

попаданец

Ростислав Марченко
ВТОРЖЕНИЕ

Ростислав Александрович Марченко

Вторжение

Серия «Остров», книга 1
Серия «Попаданец (АСТ)»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344526
Ростислав Марченко. Вторжение: АСТ; Издательский дом
«Ленинград»; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106195-1

Аннотация

Небо иного мира увидел не студент и не секретный спецназовец, а обычный отставной прапорщик. Недолго он думал, что нашел отличную работу – водителем в одной крайне мутной компании.

Лучники против автоматчиков, магия против артиллерии и крупнокалиберных пулеметов, абсолютизм и средневековая жестокость против алчности российского олигархата... Он хотел просто подзаработать, а придется выживать!

Содержание

Пролог	5
Часть первая	23
Глава I	23
Глава II	65
Интерлюдия	95
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Ростислав Марченко

Вторжение

Выпуск 32

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Ростислав Марченко, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Висевший на стене телевизор показывал адскую трэшачину про группу южно- и северокорейских солдат, провалившихся в прошлое, в 1572 год, эпоху японского вторжения на полуостров и побед адмирала Ли Сун Сина¹, которого, понятно, ещё не ставшего адмиралом, они там и встретили.

Нет, если отрешиться от содержания и рассматривать, как об этом говорят кинокритики, закрученность сюжета и конфликт характеров, данный старый фильм был далеко не самым худшим из мной виденного. Особенно применительно к кинематографу российскому. Однако перестать быть армейским прапорщиком у меня не получалось даже тут. Военное кино с точки зрения профессионала очень часто смотреть просто невозможно, и эта картина исключением не являлась. Особенно ее батальные сцены. Три раза пусть, что творцы данной отрасли от родных осин не могли сравниться и с подобным, если не сказать худшего.

Помимо старокорейского колорита, точнее того, что создатели фильма за него выдавали, единственное, что оставляло пищу для ума, был конфликт солдат XXI века со сред-

¹ Адмирал Ли Сун Син – один из величайших флотоводцев мировой истории, которым вполне заслуженно гордятся обе Кореи. Победил во всех 23 морских сражениях, в которых участвовал. Во всех случаях уступал противнику (японцам) в силах.

невековыми дикарями. Особенно если размышления отлакировать хорошим разливным пивом и закусить вяленой рыбкой да сырной косичкой, празднуя удачный калым.

Ничего другого, кроме как дуть пиво, сидеть в компьютере и смотреть телевизор, делать я в настоящий момент не собирался. Мерзопакостная погода за оконным стеклопакетом – с противным, пронизанным дождем осенним ветром и пластилиновой грязью на не скованных бетоном и асфальтом участках – не вызвала ни малейшего желания даже лишний раз выйти на улицу.

Гараж, полный натасканного за годы службы ремонтного оборудования, был приятным дополнением к пенсии, обеспечивая мне прекрасные условия для масла, а иногда даже икорки на сухой корочке, и в то же время гибкий график работы. Калымил я на одного себя. В настоящее время все обязательства перед заказчиком были закрыты, и он как раз сегодня со мной расплатился. При этом в принципе денег на карточке лежало вполне достаточно, чтобы иметь возможность месяц-другой присматриваться к постоянной работе поденежнее, даже без подработок.

Выезды на рыбалку – и по секрету немного побраконьерствовать – были в прошлом и в ближайшее время не ожидались. Личная жизнь также переживала ночь. Ближайшее свидание планировалось только на пятницу, на неделе девушке было не с руки, не на кого оставить ребенка. Резервный же вариант из соседнего дома сорвался в Паттайю по горя-

чей путевке, окончательно оставив меня без сладкого. В итоге, вечером в среду меня одолевало откровеннейшее безделье. Самое время хлебнуть пива и параллельно посмотреть не сильно напрягающий мозг фильм.

Кино как раз заканчивалось, когда на столике заорал лежащий там телефон. Звонил дядя Сережа, старый отцовский друг, одна из основных надежд на приличную денежную работу. Последние двадцать лет старик вахтовал водителем, оброс связями и, что еще более значимо, мог подсказать, куда стоит ехать работать, а куда нет. А где сам не знал, всегда мог узнать, у кого спросить. К своему возрасту я приобрел достаточно здравого смысла, чтобы интересоваться, прежде чем ехать куда-то за длинным рублем, не вернусь ли я оттуда с голой задницей. В реально серьезную, денежную организацию в наши безжалостные времена если не коррупции, то телефонного права, без связей залезть трудно.

– Привет, дядя Сереж!

– Здорово, тетка! Как дела? Можешь говорить?

– Ничего так, дома сижу, пиво пью. Говори, что хотел.

– Ты на работу не устроился ещё?

Я сел. Видимо, стрельнуло. Хорошая постоянная работа, предоставляющая время для неофициальных заработков, меня не просто интересовала, она интересовала очень. Калымы – это сегодня густо, завтра пусто, а самой по себе военной пенсии для поддержания привычного уровня жизни было мало. Да и не дело это – еще не старому мужику си-

деть дома и пьянствовать от безделья. Тем не менее, идти на шлагбаум и дергать на нём веревку, чем занималось большинство отставников, мне не хотелось. Даже, несмотря на то, что такой график, как день – ночь, двое суток дома, вполне давал возможность решить финансовые проблемы. Нет, не потому, что какая работа, такая и зарплата, а из-за того, что работа с таким функционалом и нервотрепкой, как охранная деятельность, быстро развращает. Поработать же руками за достойный ценник я никогда не боялся.

– Пока не определился, на Стёпкиных топливных аппаратах и коробках калымлю. Говори, дядя Сереж. Нашел что-то?

– У нас, как я тебе и говорил, никаких вакансий нет. Но пошел слушок, что наша контора где-то за границей рудник откупила и людей туда набирает.

– Да ну?

– Вот тебе и ну. Слушай сюда, малец. Мне туда уже путь заказан, возраст, за границу мне теперь только на курорт – волосатую задницу греть, но за тебя я кое-кому слово молвил...

– Да ты просто бог, дядь Сережа...

Старик, последние годы работавший водителем сочлененного «Терекса» на золотом руднике одной малоизвестной, неизвестно кому конкретно принадлежащей, но крепко стоящей на ногах компании, пообещав помочь, не подвел. Пусть предварительно и предупредив, что конкретно в его органи-

зации текучка кадров практически отсутствует.

– Записывай адрес.

Я подскочил, ища листок и карандаш.

– Готов?

– Пять секунд... Говори, записываю.

– Сайт нашего кадрового агентства: «Гермес, рекрутинг, ком». «Гермес... Рекрутинг... Ком». Понял меня?

– Английскими буквами – гермес, рекрутинг, ком. Ошибки в слове нигде нет?

– Серега, мля, ты меня ни с кем не перепутал? Я тебе кто, мать... как его, этот, полиглот? Я слово «хрен» на английском не знаю, как написать, а ты мне такие вопросы задаешь!

Я хмыкнул, поймав тему, старик в очередной раз завелся, получив предлог пошутить. Однако дядя Сережа, услышав хмыканье, сбавил тон. А может быть, просто прикинул, сколько стоит минута его звонка из тайги. Вживую выслушивать его речи можно было долго. Если рот рюмкой не заткнешь.

– Найдешь там телефон начальника отдела по подбору персонала. Завтра после обеда, в рабочее время по Москве звякнешь по его телефону. То да сё, интересуется тебя работа в компании «Голден Гермес», тем-то, тем-то... Сошлешься на мою рекомендацию. Дашь свою почту. Тебе сбросят перечень документов, что от тебя потребуются. Заполнишь анкету и приложишь все сканы необходимых бумаг по списку. Рекомендацию я заранее уже написал, завтра с утра им на-

счет тебя туда капнем. Если забудет сбросить документы – перезвони, не стесняйся. Реально у нас берут только с подачи рекрутеров... или по письменной рекомендации сотрудников. Самому устроиться нереально.

– Как все не просто...

Голос старикана посерьезнел:

– И даже не представляешь как. Если тебя в фирму возьмут, то я как поручитель год за тебя в ответе. Вылетишь по отрицательным – и меня вслед за тобой вышибут.

– Серьёзно?

– Что слышал. И лучше бы тебе меня с моими кредитами не подвести... Яйца вырву и к забору прибью. По рекомендации хоть берут в первую очередь, но и выкидывают без разговоров. Обоих.

– М-да уж... Спасибо, дядь Сереж. – Под напором привычно резкого, как понос, старикана я даже не знал, что сказать.

– Не за что, делай вещи. Позвонишь, как будет ясно. Я на связи.

Дед подождал моего ответа и повесил трубку. Я задумался. Ответственность поручителя за поручаемого, конечно, говорила о серьезности организации. Однако не слишком ли жестко брали работника в оборот? Колебался я, впрочем, совсем недолго. Дядя Серега на свою работу, мягко говоря, не жаловался, подводить его я не планировал, синька вызывала отвращение, руки вроде росли откуда надо – лучшего пред-

ложения их пристроить мне, без сомнений, было не сыскать.

Тем не менее, коли звонить в Москву было уже поздно, в самый раз поискать в интернете информацию о компании, куда я хотел пойти работать...

* * *

Если бы не рекомендация старика, я бы в эту компанию даже не сунулся. Кроме кое-как индексируемого названия, вычленив в интернете значимую информацию о ней почему-то оказалось крайне проблематично. Если золотой рудник «Сосновый», где работал Серега, ещё немного светился в сети, то делал это практически без всякой привязки к своему владельцу. Или владельцам.

Интернет-сайт у компании отсутствовал. Упомянутый дядей Серегой сайт germes.rekruting.com, найденный после пятнадцати минут поисков, матерщины и пары неудачных звонков в тайгу, оказался сайтом банального рекрутингового агентства. Отнюдь не отдела кадров золотодобывающей компании. При этом наличие в адресе транслитерации *rekruting*, вместо расово правильного английского *recruiting*, откровенно ставило вопрос ребром – куда я вообще лезу.

Студент-двоечник на центральных ролях в IT-отделе солидного предприятия почему-то не вырисовывался. Притом что чувак на заставке «Гермес-Рекрутинг», одетый в одни только украшенные перьями сандалии, целился мне в глаз с

экрана своим микроскопическим половым органом даже не знаково, а — я бы сказал — подозрительно агрессивно.

У данного предприятия были все признаки говнофирмочки, из которой всякие дурачки годами выдавливают свою зарплату. Однако старый с его купленной сыну квартирой и нулевым корейским джипом в гараже был живым тому опровержением. Исходя из последнего, можно было предполагать обратный вариант. Владельцы — настолько серьезные люди, что вкладывать деньги в золотодобычу предпочитают без лишнего внимания и не экономя по мелочам.

«Эйчар», поднявший телефонную трубку, действовал вельми деловито, первым делом уточнив у меня, с чьей подачи я избрал такой вариант трудоустройства в «Голден Гермес», и не поддерживал разговор, пока не произвел проверку. Рекомендация деда у него к этому времени уже была. Далее я сбросил ему свою почту, куда поступил бланк крайне подробной анкеты, включая автобиографию и список сканов прилагающейся к ней документации. Круг подозреваемых нашей встающей с колен России, которые могут вкладывать деньги в золотодобычу данного предприятия, от такого приема очерчивался довольно определенно. Как, впрочем, и мысль, что топить рыло в их конкретные личности и вообще секреты корпорации в будущем, безусловно, будет крайне неосторожно.

В квитанции о получении отправленных документов была одна фраза: «Ждите, мы вам сообщим». Письмо с вызовом

на собеседование, со схемой маршрута, адресом забронированного хостела и даже приложенными электронными билетами до Москвы пришло на третьей неделе ожидания.

Еще через четверо суток я вылетел в Москву...

* * *

С будущими коллегами я познакомился в ночлежке. В комнате дремали на нерасстеленных кроватях огрузневший с возрастом широкоплечий мужик со следами застарелых ожогов на левой половине лица и атлетического сложения парень лет двадцати двух, имевший с ним несомненное портретное сходство. На столе у окна лежала приоткрытая папка с документами, из которой торчал угол распечатанной маршрутной схемы. Точно такой же, как была у меня.

– Не на собеседование в одну мутную фирму прикатали?

Мужик сбросил дрему и сел на кровати, сунув мне руку для рукопожатия:

– Николай.

– Сергей.

– Если говоришь про «Гермес», тогда да.

Я сунул сумку под кровать и сыграл в капитана Очевидность, пока Николай, потянувшись, включал чайник.

– Если целую партию на собеседование собирают, то не одни мы там будем?

Также проснувшийся парень вступил в разговор:

– Не, этот хостел весь нашим братом забит.

Мужик добавил:

– У кадровиков с гостиницей договор, когда народ набирают, его всегда сюда селят.

Я сделал стойку, Николай определённо знал про эту фирму куда больше, чем я.

– А ты откуда это знаешь? Работал в фирме раньше?

Мужик усмехнулся.

– Я и сейчас работаю. Место работы решил сменить и сына в нашу мутную контору затянуть.

Познакомились и с Николаевым сыном Иваном. Я продолжил расспросы.

– Место получше приметил? А без Москвы никак?

Николай любопытство воспринял как должное.

– При смене подразделения – никак. Только после собеседования с куратором.

– Гы... народ прямо как в охрану Путина набирают.

Оба родственника на мои слова дружно хмыкнули.

– Ты это, конечно, сильно сказал, но где-то так оно и есть. Говорят, отсеив на собеседовании установлен в тридцать процентов. Мало нам психолога, еще и РПН, коли морда не понравилась, сразу режет.

Я непритворно заинтересовался:

– И чего так? Ваша вахта – это же не филиал отряда космонавтов?

Николай уже откровенно засмеялся.

– Но очень старается им стать. – И тут же убрал улыбку. – Все правильно делают. Первая моя фирма, где на вахтах лодырей, лоботрясов, алкашни и бешеных росомах не попадалось. С подбором кадров в «Гермесе» все в порядке. Если на слово поверишь. Пройдешь куратора – сам всё увидишь. – И тут же деловито уточнил: – Насчет синевы не сильно падок?

Я безразлично развел руками:

– Пивка под настроение не прочь, водочка тоже бывает, но свою норму знаю.

– Это хорошо... Любителей синьки у нас не держат.

– И рекомендовавших их тоже?

Николай спокойно согласился:

– Да, так и есть. Ты, я так вижу, уже предупрежден.

Я кивнул. Николай продолжил:

– Жестко, но тоже правильно. Сейчас не социализм. Я на вахту еду деньги зарабатывать, а не за дармоедов работать. Каждый должен сам свою краюху отрабатывать.

Тема себя исчерпывала, и я предпочел перевести разговор. Психологический портрет собеседника у меня уже сложился.

– Куда набирают, не в курсе?

Николай снова остро на меня глянул и скривился в ухмылке:

– Слухи разное доносят. Сплетничать не буду. Если повеет, нам как раз сегодня и расскажут.

Разговор прервался, на чайном столике вскипел чайник,

потом следовало успеть помыться, побриться и позавтракать, впереди был весьма напряженный день.

* * *

За столом кабинета, куда меня пригласили на собеседование, сидели двое в хороших костюмах с открытыми папками перед собой. Первым был сухощавый мужчина в возрасте, которого я, едва глянув, определил тем самым куратором проекта, которым меня в хостеле пугали. Вторым была матерая такая оперская рожа, от которой за версту несло службой безопасности и полковничьими примерно погонами висящего в шкафу старого кителя. Цвет кителя беглым взглядом не определялся. Пред их очами в очереди я был шестым.

– Здравствуйте. Седых, Сергей Алексеевич, на собеседование прибыл.

РПН, он же руководитель по направлению, и безопасник переглянулись. РПН кивнул в сторону стоящего перед ними стула.

– Присаживайтесь. – Оба зашелестели моими бумажками. Я ждал.

– Итак, Сергей Алексеевич. Вы хотите устроиться к нам в компанию на должность...

Я закончил за него фразу:

– Водителя.

– Простите, а почему, с вашей биографией, вас интересует именно эта должность, а не допустим сотрудника службы безопасности компании?

– Потому что мне нравится эта работа, а веревка на шлагбауме – нет.

Наблюдающий за мной безопасник на секунду скривил губы в подобии улыбки:

– У нас нет веревок на шлагбауме, везде одни кнопки и видеонаблюдение.

Я равнодушно пожал плечами.

– Без разницы. Тут имеет значение ещё и денежный вопрос. Водители хотя и работают, но всегда больше получают.

Куратор улыбнулся, видимо, мой спокойный ответ ему понравился.

– И вы считаете, что ваша квалификация позволяет вам занять данную должность?

– Безусловно.

– Не объясните нам почему?

Вздохнув, я начал вспоминать ранее подготовленную речь.

– На контракте первые четыре года я был водителем, командиром автомобильного отделения и заместителем командира взвода, далее два года – старшиной ремроты. За это время получил опыт вождения, эксплуатации и ремонта большинства типов автомобилей, имеющих в Российской армии, и значительной части гусеничной техники. В дальней-

шем стал командиром ремонтного взвода, с этой должности ушел на пенсию. Навыков управления автотранспортом не терял, постоянно использовал личный автомобиль. Периодически – грузовики «Урал» и «КамАЗ» разных марок, до шаланд и четырехосных артиллерийских тягачей включительно. Имею устойчивые навыки вождения бронированной гусеничной техники. В основном МТЛБ². Все водительские категории, кроме автобусных, открыты.

– У вас, я вижу, высшее техническое образование? – задал вопрос, внимательно слушавший и попутно деланно изучавший мое дело безопасник.

– Да, инженер-строитель, промышленное и гражданское строительство. Скан диплома я отправлял.

– И вас не интересует должность ИТР?

Настал черед улыбаться уже мне.

– Должность-то меня принципиально, может, и интересует, но кто ее мне без стажа работы по специальности сразу даст? Вы... вряд ли. Опять же, знания надо восстанавливать. Водитель ближе, проще и надежнее. По крайней мере пока. Хотя бы чтобы поручителя не подвести.

Собеседники переглянулись, безопасник удовлетворенно кивнул и задал мне еще один вопрос:

– А почему в армии на офицерское звание не аттестовались?

² Многоцелевой тягач легкий бронированный.

– Под сердюковские³ реформы попал, ходил старшиной, пока прапорщиков не восстановили. А дальше уже сам не захотел, не в моем возрасте лейтенантом ходить.

– Расточительно...

Я пожал плечами, не желая поддерживать данную тему разговора. Отдавший инициативу безопаснику, РПН заинтересовался сказанным.

– Вы сказали, что командовали ремонтным взводом... И какова специализация?

– Сначала колесная и гусеничная техника, далее командир артиллерийского ремонтного взвода. Комбриг решил, что я там нужнее.

– Понятно, – РПН удовлетворенно кивнул.

– Вы, я так вижу, награждены, участвовали в боевых действиях? – Разговор вновь перехватил безопасник.

– Так точно, и в милиции, и в составе вооруженных сил.

– И где же? – вопрос почему-то задал куратор, а не представитель службы безопасности.

Я пожал плечами.

– Про вооруженные силы, не уверен, что имею право говорить. В ОМОНе две командировки на Северный Кавказ, оперативником – одна.

Безопасник усмехнулся:

– Не хотите, не говорите.

У меня складывалось мнение, что про свои боевые коман-

³ Сердюков А. Э. – министр обороны РФ с 2007 по 2012 г.

дировки мог ничего не говорить. Все, что ему нужно, он знал про них если не до начала нашей беседы, то посмотрел сейчас.

– Меня больше интересует, почему вы предпочли погоны офицера милиции погонам сержанта-контрактника.

Я вернул ему усмешку, под влиянием момента решив прощупать собеседника:

– У меня складывается впечатление, что ответ вам известен заранее.

– Как вы говорите, это безусловно. – Собеседник несколько не смутился. – Но меня интересует ваша версия. Уголовное дело ведь было закрыто?

– По правде сказать, меня очень попросили уволиться. И только потом закрыли дело.

– И вы не подали в суд?

– Это вы так шутите? Я по этому делу при пристрастном прокуроре мог и в Нижний Тагил уехать.

– И в чем соль событий?

Я, откровенно говоря, сомневался, что безопасник не в курсе, листик в папке он перед вопросом подозрительно перевернул, однако решил не возникать.

– С участковым, по абсолютно левому сигналу, вломились в дом. Без ордера. Мне шепнули, что к хозяину, по слухам, пришла наркота. Попросил участкового прикрыть при проверке сигнала. В результате мы нарвались. Вместо шалы в доме оказалась только что похищенная девчонка, из отца-тор-

гаша эта группа давила бабло. Оба сгруппировались. Хозяин встретил нас во дворе и не хотел пускать в дом. Увидели тремор, посчитали, что сигнал точный и наркотики точно в доме лежат. Ну и напоролась там на двух его подельников, с обрезом и ТТ. Участкового застрелили на месте, меня ранили, но я завалил обоих. Но похищенная девочка при этом тоже случайно под пулю попала. Слово хозяина хаты против моего слова... Пока она лежала в реанимации, он пытался держаться версии, что был тоже в заложниках, моя пуля в девочке. Я думал что сяду. Спасло, что девочка выжила, и её отец мужиком оказался. Не стал ни зла держать, ни топить.

Безопасник понимающе ухмыльнулся.

– Сильно пожалел, что хозяина под шумок тоже не завалил?

Я кивнул:

– Не передать... А потом, после увольнения, когда льготной пенсии стало жалко, пошел в армию.

– А почему после ОМОНа в ВВ или какой-нибудь спецназ не завербовался?

Я позволил себе намек на ухмылку:

– И зачем мне казарма, в лучшем случае комната в общежитии, когда я могу служить в городе, где у меня имеется благоустроенная квартира?

Добавлять, что держал в больших и хороших должниках зампотыла и зампотеха части, я не стал.

Безопасник кивнул и повернул голову к РПН.

– Я вопросов больше не имею. Вы, Евгений Васильевич?

– Я тоже, – куратор приветливо мне кивнул, – можете идти, наше решение вам сообщат.

Самый главный вопрос, оставшийся после нашей встречи, – почему этих двоих больше интересовала моя служба, чем соответствие должности водителя? Даже про семейное положение никто не спросил...

Часть первая

Глава I

Компания действительно оказалась довольно серьезным предприятием. Лицам, принятым на работу после собеседования, после подписания контрактов даже выплатили по двадцать пять косарей аванса, чтобы было на что жить, пока собирают вахту. К сожалению, за счет будущей заработной платы, а не как безвозмездное подъемное пособие. Хотя, с другой стороны, и правильно, слишком много добра люди не ценят.

Контракт отличался огромным количеством пунктов «нельзя», «запрещено» и тому подобных с дикими суммами штрафов и компенсаций за нарушения. Впрочем, ожидаемая заработная плата весьма порадовала, особенно её начисление на карточки с индексацией по курсу USD. Ударный труд дополнительно к ставке обещали премировать. Нормальный срок вахты устанавливался три месяца через три, с возможными форс-мажорными увеличениями до полугода и уменьшением межвахтового периода по мере набора кадров. Заезд и выезд должны были засчитываться за счет межвахты. Доставка, включая оформление загранпаспортов, организовывалась за счет предприятия морским транспортом.

Слухи не подвели, компания действительно набирала людей на заграничный рудник, удачно откупив месторождение на одном из необитаемых островов Тихого океана. Как нас заранее предупредило руководство, на месте рудника еще рос лес. Функционал работы в ближайшие пару-тройку лет ожидался в подготовке к освоению месторождения. Собственно, наша вахта даже заезжала туда первой.

Вез нас навстречу длинному рублю в джунглях, полных диких обезьян, дооборудованный для перевозки пассажиров универсальный контейнеровоз типа «Ro-Ro» «Jason» под кипрским флагом. К нашему появлению в порту его уже всю забивали грузом. Во внешнем виде дизель-электрохода как-то сюрреалистически сочетались облезшая краска и потеки ржавчины на корпусе с торчащими в разные стороны бортовыми кранами и разномастными антеннами, количеству которых мог позавидовать американский авианосец. Разнотипность раскрепленных на нем грузов шести- и двенадцатиметровыми контейнерами, балками и танк-контейнерами с дизтопливом не ограничивалась.

На автомобильной палубе стояли крокодилообразные автосамосвалы «Komatsu», полноприводные тягачи-полуприцепы «Урал-Ivesco», экскаваторы, катки, грейдер и прочая строительная, буровая и лесозаготовительная техника. В районе двух здоровенных желтых судовых кранов, поверх контейнерных штабелей, командой раскреплялись звенья понтонно-мостового парка и тринадцатиметровая шаланда.

Рядом с ними умиляли взор обвешанные шинами оранжевые импортные рабочие катера и обращающий на себя внимание светлым корпусом и затемненными стеклами рубки двенадцатиметровый катер-катамаран, с торчащей над рубкой тортообразной антенной РЛС.

Для нас, бросивших свои вещи в четырехместных каютах собранного из тех же блок-контейнеров жилого блока на верхней палубе, сочетание антенн, контейнеров, новенькой японской техники и уже шестьдесят лет назад пугавшего Париж наведением мостов на Рейне инженерного имущества было просто убойным.

– Мы что, десант на Гуада-канал на этом металлоломе высаживать собрались?

Стоявший рядом со мной Николай, с которым мы встретились на береговой базе, где принимали закрепленную технику перед ее погрузкой и сдавали зачеты на право управления, равнодушно пожал плечами и ответил:

– Говорят же, необитаемый остров. Вот все свое на него и везем.

– У нас хоть люди есть, кто умеет с понтонами обращаться, если все свое везем?

– Есть, сильно не переживай. – В разговор влез тихо подошедший Сеня Рябушев, белобрысый водитель дежурной автомашины службы безопасности компании; парни из службы безопасности заняли соседнюю с нами каюту. Без двух десятков патентованных дармоедов руководство российской

фирмы не могло обойтись даже на полном романтики джунглей необитаемом острове. – Стропалей месяц на них гоняли, понтонный парк за ними закреплен.

– Тогда точно сразу же потонут. – От непрезентабельного вида понтонных звеньев меня одолевал непритворный пессимизм. При интенсивной эксплуатации благополучно сгнившей на хранении и проданной в народное хозяйство техники и имущества месяца было вполне достаточно, чтобы добить что угодно.

Умные люди, из знакомых мне лесопромышленников, например, выкупив за копейки старый «Кразь»-понтонник, перед пуском в работу капиталили его до нуля, разбирая чуть ли не до последней гайки и в итоге, как минимум, меняя все резинки. Для машины этак 1968 года выпуска с пробегом на одометре меньше десятка километров для минимально развитого человека это было обязательным. Однако в частом присутствии в этой жизни интеллектуального меньшинства я имел все основания сомневаться. Как ни хотелось в это верить, но жизнь постоянно доказывала обратное.

И что удивительно обманулся.

– Ничего им не будет. Там все проварено и внутри пенопластом забито. Все перед отправкой капитально откапиталили. – Парень Сеня был простой и тут же хихикнул высказанному им же немудреному каламбуру.

– О! Да у нас тут никак военные руководят, знают жизнь и что к чему? – Я, собственно, в этом ни секунды не сомне-

вался, но нужно же было подтвердить.

– Во! – Семён красноречиво чиркнул по горлу большим пальцем. – На большой земле их столько, что просто житухи нет. Кого ни ткни, тот и строит. Еле-еле отправки дождался.

– Большие люди, или так, по объявлению?

Сеня хмыкнул.

– Не маленькие.

Николай ткнул меня в бок и незаметно для Семена погрозил пальцем. Излишнее любопытство в фирме не приветствовалось. Впрочем, так как я это понимал и сам разговор в данном направлении к продолжению не планировался и без подсказок.

– Одно радуется... – Сеня вопросительно поднял на меня взгляд. – Когда мы все эти грузы начнем выгружать, бардак будет ещё тот, в цирк ходить не надо.

– Именно для избежания этого контейнеры грузятся и разгружаются в соответствии с маркировкой на установленные для них места. Согласно карте погрузки...

В разговор вступил еще один пассажир контейнеровоза, интеллигентного вида высокий, симпатичный мужчина за пятьдесят, с благородной сединой и вислыми ухоженными усами.

– Добрый день, Сергей Николаевич! – Обрадовался вступившему в разговор собеседнику Сеня. – Вы, что ли, с нами поселились?

– А где ещё мне было селиться? – Сергей Николаевич вя-

ло махнул рукой, наблюдая за подходившим к нашему судну катером с партией пассажиров. – Это ржавое корыто – переоборудованный контейнеровоз, лишних помещений для проживания людей тут нет.

– А в чем проблема была, чтобы нас самолетом отправить? – Этот резонный вопрос занимал меня уже довольно давно.

Сергей Николаевич, по виду представитель верхушки инженерно-технического персонала нашей вахты, на вопрос снова отреагировал с иронией:

– Наверное, потому, что так дешевле? Или, может быть, иным способом вас туда не доставить?

Я пожал плечами:

– Понял, отстал. Долго будем в пути?

– С недельку, может быть, даже раньше управимся. Сильно зависит от погоды на маршруте.

Ответ порадовал, я достаточно читал о романтике морской болезни, так что не хотелось испытывать её дольше необходимого. Про ржавое корыто и Сергей Николаевич, да и я сам, безусловно, были пристрастны – расстояние до островов Юго-Восточной Азии я примерно представлял, ходком при всей своей ржавчине «Язон» был далеко не из последних...

До нашего заранее любимого необитаемого острова мы действительно добрались меньше чем за неделю. Этого времени было вполне достаточно, чтобы все перезнакомились друг с другом, получили все необходимые инструкции и обсудили планы дальнейших действий. Все восемьдесят восемь человек завозимой вахты жили рядом друг с другом в жилом блоке на верхней палубе «Язона», так что это было несложно.

Несмотря на то, что до жилых и служебных помещений экипажа было подать рукой, с командой контейнеровоза вахта практически не контактировала. Регулярно общались с мореманами только специалисты группы технического контроля и приемки работ, начальник вахтового участка, встреченный мной в первый день, Сергей Николаевич Борисенко и начальник команды охраны, Иван Георгиевич Мезенцев, отставной комбат танкист откуда-то из-под Москвы. Мы даже готовили пищу самостоятельно, для этого в каютном блоке был выгорожен камбуз, где работали трое наших штатных поваров.

Запрета на провоз компьютеров на вахту не было. Напротив, в списке разрешенных к провозу вещей, в отличие от кинофотоаппаратуры, они имелись. Кроме того, каждая каюта была оборудована телевизором и видеоплеером, так что

время летело быстро.

Учить инструкции на фоне безделья было даже забавно. Запрещалось там буквально все. Купаться в неустановленных для этого местах, пить сырую воду и даже заходить в джунгли с расчищенных площадей при отсутствии запрещающих знаков. Стимулировалось послушание, разумеется, деньгами. Как штрафами, снимаемыми с работника и уходящими в счет премий охраны и ИТР, так и отказом фирмы от денежных компенсаций работнику или его наследникам в случае несчастного случая после нарушения положений инструкции по безопасности.

Карта, правильнее сказать схема острова Монтелигера, представляла нам неровный кусок земли около тридцати километров длиной и шириной примерно в восемь, от края до края поросший джунглями. На юго-востоке, за узким проливом, лежал трехкилометровый остров Агила, с хвостом из полутора десятков островов поменьше, вплоть до самых микроскопических. Возможно, что когда-то, при более низком уровне воды, оба больших и часть мелких островов архипелага представляли собой единое целое. Еще пяток небольших островков вытянулся вдоль южного берега Монтелигеры. По оси Монтелигеры и Агила шел горный хребет высотой около пятисот метров в пике.

Рудник «Дракон», на освоение которого нас завозили, предназначался для добычи платиносодержащих руд и сопутствующих им металлов, а также прочих полезных иско-

паемых. От такой новости нервно облизнул губы далеко не только один живший со мной в каюте Ванька Зюзин, принятый на работу слесарем РММ. Его спокойный и основательный отец, с которым мы после удачного знакомства в хостеле хорошо сошлись, даже сглотнул от неожиданности.

Секретность и непубличность нашей компании получила прекрасное объяснение: при добыче в год в мире порядка полутора тонн, а в России двадцати пяти тонн платины появление в бизнесе лишнего игрока никому не понравится. Особенно вне тех границ, что на замке. Это внутри недобросовестных конкурентов засекреченных владельцев нашего предприятия легко можно водичкой в сортире побрызгать. А вот за границей свои интересы даже тем, на кого не стоит указывать пальцем, охранять сложнее. Притом что три тонны платины – это примерно два процента мирового рынка.

При нормальном отношении к труду, для нас, рядовых работников компании, этот рудник мог стать весьма высокооплачиваемой работой на всю жизнь, так что соблюдение установленных нам ограничений на этом фоне уже сейчас смотрелось мелочью. Боевой дух и рабочее настроение коллектива взлетели, как Гагарин на орбиту.

Четвертым пассажиром в нашей каюте был Евгений Бакшеев, серьезный, с ранней лысиной тридцатилетний механик нашего будущего РММ и мой непосредственный начальник. С Зюзиным-старшим они раньше вместе работали и были в очень хороших отношениях, отчего Петрович его к нам

в каюту и затянул. Между делом выяснилось, что про мое высшее образование и опыт службы ИТР прекрасно известно, так что при дальнейшем расширении количества персонала рудника и хороших деловых качествах я имел все шансы на продвижение. Это дополнительно грело душу.

* * *

Про место назначения я узнал ранним утром. Содрогнувшийся всем корпусом «Язон» чуть не повыбрасывал людей из кроватей. Все проснулись, однако выйти наверх не пошелся один я. Как это было ни странно, стоял штиль, над головой сверкала серебром полная луна, и я решил, что мы просто на что-то натолкнулись в океане. На кита, например.

Как всегда аккуратно одетый, Сергей Николаевич Борисенко с легким шорохом появился за моей спиной через пару минут.

– Все, Сергей. Приехали. Монтелигера на горизонте.
– Вы тоже от удара проснулись, Сергей Николаевич?
– Нет. Я полночи уже не сплю, мы с капитаном готовились к выгрузке.

– А что это было?

– Ты про удар?

– Да.

Борисенко отвел взгляд в сторону, равнодушно пожав плечами:

– Возможно, волна, может быть, и столкнулись с чем-то.

– Я тоже так подумал.

– Никогда в тебе не сомневался. – Сергей Николаевич улыбнулся. – Спать не хочешь? Завтра будет тяжелый день, прикорнуть не получится.

– Уже сегодня, Сергей Николаевич. Действительно, надо бы еще вздремнуть. Время у нас есть?

– Достаточно. Пока подойдем, пока встретят, пока встанем в бухте, времени выспаться будет достаточно.

– И это просто прекрасно.

Я кивнул собеседнику и направился к трапу, возле которого чуть было не столкнулся с неожиданно возникшим на крыше нашего жилого блока матросом. Парень, не обращая на меня внимания, направлялся куда-то в сторону судового крана.

Схваченный краем глаза образ моряка проник в лобные доли, когда я уже начал спускаться вниз. И я, вздрогнув, чуть было не остановился, кинув взгляд парню вслед. На плече матроса висел старенький автомат АКС-74 с поблескивающим лаком деревянным цевьем и сложенным прикладом, дополненный тяжело отвисающей на ослабленном поясе брезентовой сумкой для магазинов. Вот этот поворот был неприятно неожиданным, и его требовалось очень срочно обдумать.

Непонятностей с этой фирмой и этой вахтой накопилось достаточно и без данной встречи, однако до этого момента не

появлялось ничего, что не поддавалось рациональным объяснениям. Теперь вооруженный боевым автоматом морячок из этого ряда выбивался просто вопиющим образом...

В голову лезло многое. Однако обуревавшими меня мыслями я поделиться с кем-либо просто не рискнул. Причем дело не в том, что поманенные запахом денег товарищи меня бы не поняли. Слишком умных в таких мутных организациях, как наша фирма, крайне не любят, и черт знает, что придет в голову закрепленному за вахтой компетентному товарищу, если (скорее даже когда) ему донесут про мои размышления.

В нашем суровом мире я был далеко не самым умным и начитанным человеком, однако одно знал точно, даже на своей сухопутчине, – судно под кипрским флагом, имеющее на борту боевое оружие, не могло зайти в российский порт без угрозы ареста. С другой стороны, владение боевым автоматическим оружием службой безопасности российской частной компании тоже было исключено. Вывод был прост: с этой фирмой я, безусловно, вляпался в некоторый криминал.

Не сказать, что мне сейчас следовало сильно чего-то бояться. Пока я делаю свое дело и никуда не лезу, людям, ворочающим суммами виденного мною порядка, я не интересен, но что дальше? Паническую мысль, что меня везут приковать к рулевому колесу и работать за миску супа, следовало сразу отмести. Не оправдывает себя, погашение поисков вах-

товиков оставшимися на Родине родственниками потребует немалых сумм и еще больше внимания, пусть даже не государства, а конкурирующих структур. На этом фоне набрать пару-тройку вахт, заткнуть им рты хорошими заработками и тихо возить туда-сюда без шума и пыли было бы куда более логично. Если разобраться, кому какое дело, что компания «Голден Гермес» за границей вытворяет, если необитаемый остров отхватила? Кроме страны, им владеющей? Платину добывает или на туземцев с вертолетов охотится? Главное, чтобы шум не поднялся.

Опять же, ну какой это криминал в тайнике на судне автоматы держать? Примерно как уклонение от уплаты налогов или взятка гаишнику – вроде плохо, но никто не откажется. В Юго-Восточной Азии, как я слышал, не продохнуть от пиратов, так что охранять свои вложения от последышей мадам Вонг учредителям было вполне логично. Пусть даже ценой некоторого нарушения российских законов. Короче говоря, требовалось ждать поступления дополнительной информации, впадать в панику было рановато. А вот прижать метлу и соблюдать осторожность требовалось уже сейчас.

Стёпа, мой приятель еще по школе, после отсидки и приведения жизненных ориентиров в порядок хорошо поднявшийся в лесопромышленном комплексе, в лесу со своими работниками был честен, но жесток до беспощадности. И я его в этом прекрасно понимал, при наполовину сидевшем контингенте там иначе совсем никак. Кому как не бывшему

страдальцу знать, что этот контингент без угрозы палки слов не воспринимает. В результате вломить накидавшемуся контрабандного спиртного и начавшему бросаться на людей товарищу и посадить его на цепь вместо собаки было довольно ярким примером управления Степана коллективом в ста – двухстах километрах от цивилизации. И пятая точка мне сейчас почему-то подсказывала, что управление нашим коллективом, дай тому повод, будет не мягче.

В отличие от иных месторождений, здесь вестника цивилизации в лице командированного подразделения полиции нет. Я даже на пару секунд задумался, может быть, зря за предложение старого зацепился, и гордость проявил, и нужно было к приятелю на работу пойти?

В общем, под девятым валом накативших размышлений поспать я так толком и не поспал.

* * *

Остров, несмотря на потрясающие виды, казался не просто необитаемым, а вообще не несущим следов человека. Как мы уже знали, находившийся на Монтелигере передовой отряд устроил свой лагерь в бухточке на противоположной стороне; в зоне нашего будущего лагеря нас встречал только катер.

Катер стоял на якоре с командой, вялящейся на палубе. Посудина, чему я, кстати, совершенно не удивился, была во-

оружена. Удивляться нужно было обратному: кораблик как две капли воды походил если не на прославляемый последние годы российский «Раптор», то на его шведский прототип «СВ-90». Или как вариант – на ещё какой-то из клонов данной посуды. Это меня, как ни странно, успокаивало. Хотя, возможно, и зря.

В итоге-то я, конечно, промолчал, а вот Ванька Зюзин своим кругозором по глупости решил блеснуть, тоже узнав характерный вид катера, несмотря на отличавший его от ранее известных изображений ломаный сине-серо-черный камуфляж.

– Это же наш «Раптор»! Настоящий! Даже с пулеметом на рубке! Одно только камуфло сине-серое!

После чего осекся и над чем-то задумался, натолкнув уже всех окружающих на мысль – какого хрена вооруженный патрульный катер Российского ВМФ делает за тысячи миль от родных берегов. И главное, что за страна при этом тайно или явно торгует своим суверенитетом. К слову, бортовые пулеметы на вертлюгах катера тоже торчали.

Борисенко рядом не было. Данный вопрос зашумевшему народу пришлось разъяснить тоже ошивавшемуся на крыше жилого блока вместе со своими преторианцами Мезенцеву:

– Район опасен появлением пиратов, компания приняла меры по обеспечению вашей безопасности. Нас встречает катер из отряда охраны водного района, они прибыли ранее. Команда контейнеровоза также поэтому вооружилась.

– Как это мило, – удержать замечание было выше моих сил.

Иван Георгиевич смерил меня испытующим взглядом, видимо, сарказм в голосе все-таки проскочил. Я, как мог, слепил безмятежную физиономию и ответил товарищу подполковнику взглядом наивного ребенка. Мезенцев отвернулся.

«Раптор» тем временем завелся, вытянул якорь и подошел к борту «Язона». Команды обеих посудин обрадовались друг другу и занялись ченджем да сплетнями. Командир катера, поднявшись к нам на борт, видимо, удалился на совещание.

Представители «отряда охраны водного района» оправдали ожидания. Все четверо оставшихся на катере моряков были мужчинами 25–35 лет; они определенно уделяли много времени спортивному залу и были весьма разномастно одеты. Последнее придавало им несколько пиратский вид, что особенно бросалось в глаза касательно парня, стоявшего возле турели с КПВТ. Тот, одетый в боевую рубаху с раскрашенными какой-то пустынной цифрой рукавами и такие же штаны, закатанные до колен над светлыми ботинками с высокими берцами, повязал голову красной тряпкой и отпустил патлы, усики и бородку, прямо как у того самого Джека Воробья. Разве что глазки тушью не подвел. После данного зрелища, пробивающего насквозь сердце любого старого киномана, оставалось только надеяться, что на этой «Черной жемчужине» косплейщика Барбоссы не найдется. Уж его-то рядбой физиономии мои нервы точно рисковали не выдержать.

Предположительно похожий на командира катера представительный широкоплечий мужчина лет сорока в таком же, как подчиненные, цифровом пустынном камуфляже, с бритой головой и короткой, тронутой сединой, бородой, что поднялся на борт, на него, к счастью, не походил. Если, конечно, не маскировался: прыщи вовремя вывел, постригся, шляпу снял, бороду, сука такая, укоротил...

Совещались начальники недолго. Контейнеровоз встал на якорь в нескольких сотнях метрах от берега, в районе отмечавших разведанную зону высадки боев. Краны сбросили в воду раскрепленные рядом с ними катера и несколько понтонных звеньев. Высаженные на разложившиеся в воде понтоны люди стянули звенья баграми и скрепили между собой. После подхода к понтонам катеров образовавшиеся на наших глазах паромы встали под погрузку. Далее капитан опустил рампу, и на паромы начала выезжать гусеничная техника первой очереди разгрузки. Наверху краны продолжали расчищать палубу от паромных звеньев для формирования наплавного причала. Задачей техники на данном этапе было очистить и подготовить береговую площадку к приему грузов и обеспечить скрепление наплавного причала с берегом.

Моя основная работа, как водителя контейнерного полуприцепа, должна была начаться позднее. Как минимум, после подготовки площадки, выгрузки на берег кранов и начала выгрузки контейнеров. Без разницы, через плавучий причал или буксируемыми паромными. Сейчас нас подтянули

на вспомогательные работы. Малоквалифицированной рабочей силы в помощь стропалам-такелажникам на данном этапе требовалось много.

Выданная перед началом работ из вскрытого контейнера с имуществом спецовка представляла собой английский пустынник DPM, с панамой в качестве головного убора. Чья-то юность в хромовых сапогах давила на персонал компании даже тут. Снабженцы предприятия закупались на китайских фабриках, конкурирующих со снабженцами армии ее величества. Впрочем, все обмундирование было новенькое и качественное, и даже запаянное на фабрике в полиэтиленовые пакеты. В каждый комплект помимо штанов, куртки и головного убора входили три хлопчатобумажные футболки, трое трусов, десять пар носков и легкие летние ботинки из кордуры. Остатки положенного имущества обещали выдать позже, когда обустроимся.

Не сказать, что народ не стал бухтеть привлечением к непрофильному труду, но призрак больших денег гасил возможность неповиновения в зародыше. Касательно нашей охраны рабочие возмущались гораздо больше – вид этих обложившихся барахлом дармоедов, также получивших на «Язоне» оружие, разве что с разгрузками вместо магазинных сумок, привел народ в настоящее бешенство. Персонал службы безопасности в работах не участвовал, охранников практически сразу погрузили на паром для охраны и обороны береговой площадки.

Что интересно, их одели отлично от нас. В сером американском АСУ, если не приглядываться к оружию, эти засранцы смотрелись эталонными представителями жаждущего войны американского империализма, что, обложившись кока-колой, отправился покорять свободолюбивых туземцев.

Особенно громко выражал народное недовольство оператор со стоявшего в трюме харвестера⁴. Мужика вместо высокооплачиваемой работы в комфорте кабины импортной машины отправили махать багром на понтон. Один из юных охранников, грузясь на паром, имел неосторожность мужика красноречивыми жестами морально поддержать.

От ответной реакции появилось ощущение, что дядя сейчас прыгнет в воду и могучим брассом догонит буксируемый паром, чтобы стащить недруга в воду и без колебаний там утопить. Ну, или, как минимум, заколет обидчика багром, выскочив из воды примерно как Посейдон с трезубцем. Коллеги упомянутых дармоедов со вставшего неподалеку «Рaptors» слушали вопли Семеныча с большим интересом. Когда он устал и заткнулся, ему даже похлопали.

Прописавшиеся на острове СБ-шники определенно были с юмором, что прекрасно подтвердило и открывшееся на левой скуле катера название – готическим шрифтом, большими желтыми буквами с красной окантовкой там действительно было написано «Black Pearl». Смело можно было закла-

⁴ Харвестер – лесозаготовительный комбайн.

дываться на бутылку, что и черный флаг с суповым набором у них тоже был где-то на катере заныкан.

Я привлечением на непрофильные работы не возмущался, дураков, ворочающих суммами оцененного мною масштаба, не бывает по определению, что вкупе с ранними наблюдениями подводило к мнению, что такие меры безопасности соответствуют имеющимся рискам. И это было как бы ни серьёзнее и гораздо правдоподобнее подозрений, что нас сюда в рабство привезли. Только засад каких-нибудь свободолюбивых папуасов с ржавыми калашниковыми и мачете нам тут не хватало! Я вспомнил, как на собеседовании у меня интересовались боевым опытом – теперь стало проясняться почему.

Далее было очень много работы и еще больше бестолковой суеты. На необорудованный берег наш пароход разгружался дольше, чем шел к острову, последний контейнер я вывез на место на седьмые сутки. Практически сразу же после этого контейнеровоз поднял якоря и, попрощавшись с нами долгим гудком, вышел в море.

* * *

В принципе, ничего нового в случившейся с нами «романтике джунглей» я не увидел. Обычное обустройство лагеря на новом месте, где ничего нет, НИЧЕГО нет. Все, что есть, это восемьдесят восемь человек и от шести до десяти тысяч

тонн грузов, раскиданных по берегу на временных площадках складирования. Встречающая группа, как уже говорилось, имевшая обустроенную базу на противоположной стороне острова, присоединяться к нам не рвалась, сохраняя полную автономность и подчинение непосредственно руководству службы безопасности компании. Собственно, как вскоре выяснилось, коли дело запахло бы жареным, именно персонал рудника, включая команду охраны, попадал бы к ним в подчинение. Но не они – к Мезенцеву.

Прежде чем приступить к добыче платиносодержащих руд, требовалось обустроить инфраструктуру рудника, что само по себе было грандиозной задачей. Нам было необходимо обустроить вахтовый городок, зоны складирования имущества, первые очереди дорог, вскрыть и начать добычу камня на каменном карьере, установить и запустить камнедробилку, устроить лесопилку и получить доски и брус, используя имеющийся у нас лес, и так далее.

Для того количества техники, что у нас имелось, работы на все три месяца было с избытком. Я, например, со своим полноприводным «Ivesco-633910», после окончания выгрузки контейнеров через плавучую пристань и паромы, плотно прилип к лесозаготовке. Харвестер с форвадером к тому времени как раз собрали и пустили в работу. А вот для самосвалов постоянная работа ещё не появилась. Поэтому Петровича сняли с его временно поставленного на прикол НМ-400 и посадили на мой тягач вторым водителем. Я, в свою очередь,

оказался закреплён вторым водителем за «Камацу» Петровича. Его сына Ваньку, слесарящего в РММ, но имеющего водительские права, закрепили за обеими нашими машинами резервным водилой.

Этому закреплению парень был рад как дитя – обустривающий лагерь люд пахал как пчелки. Привлекали к работам абсолютно всех. Народ, уникальный случай, перестал материть бездельниками даже охрану. Вспомнивший армию Мезенцев загрузил их обустройством окопов и устройством огневых сооружений так, что, возвращаясь в балки, они едва переставляли ноги.

Под эту тему он однажды нашел и меня, благо я как раз привез полную шаланду тонкомера на обустриваемую его несчастными подчиненными позицию на будущем периметре нашего основного лагеря. Пока работающий тут экскаватор, навесивший вместо ковша грейфер, разгружал машину, возникший как черт из табакерки начальник команды царственно поманил меня пальчиком.

– Здорово, Сергей... – Мне, не чинясь, пожали руку. С Иваном Георгиевичем, пусть сильно и не сближаясь, мы перешли на «ты» ещё на контейнеровозе.

– Приветствую, Иван Георгиевич. Чего хотел?

– Ты же у нас инженер-строитель по образованию?

Я с интересом посмотрел на собеседника, то, что у ИТР есть полный список специальностей подчиненных, я знал уже давно, однако охраны это касалось мало. Работяги им не

подчинялись в принципе.

– Бумажный.

– Неважно! – Мезенцев нервно махнул рукой. – Главное, что служил. Мне нужен проект дота, точнее несколько вариантов доса⁵ на одну, две и три, возможно даже четыре, амбразуры и бронеколпака. С расчетом объемов, расхода материалов, устройства опалубки и все такое. Чтобы даже самый тупой из моих лоботрясов мог этот дот построить самостоятельно. Не капитальный, легкого типа. Под легкую безоткатку, миномет и гранатомет.

– Георгич, ты ничего не попутал? Дело даже не в том, что я многое забыл. Ты машину за моей спиной видишь?!

Мезенцев обратил ко мне ладонями руки:

– Спокойно, Серега! Все на мази! Я у Пеньковского на это добро взял. Он сам мне твою фамилию назвал.

Пеньковский, главный специалист по техническому надзору и приемке работ, был главой контролирующего органа нашей стройки. Ему Борисенко сдавал сделанные объемы.

– А кто мне такой Пеньковский? Я с ним не работаю. Мой начальник – Борисенко.

– Борисенко тоже в курсе. Короче, выходит так, что кроме тебя некому. Все, кто бы смог, по маковку загружены профильной работой...

– И что теперь, меня с машины снимают?

⁵ *Дот* (долговременная огневая точка) и *дос* (долговременное огневое сооружение) в данном случае употребляются как синонимы.

Мезенцев ухмыльнулся.

– Увы, так не повезло. Придется в свободное от основной работы время рисовать...

От немедленно возникшего раздражения я мгновенно полез в бутылку:

– Да щас, делать мне нечего! Я просто водитель, Иван Георгиевич. Просто водитель, и на это не подписывался... – Мезенцев открыл рот, но я, еще больше раздражаясь, закончил: – И на слабо контрактом меня давить не надо! По основной работе пашу как вол, и претензий ко мне нет.

Когда специалистов с неиспользуемой техники снова начали привлекать к сторонним работам, в очередной раз поднялся крик, в котором опять играл главную роль оператор с харвестера, упрямый и довольно склочный хохол Саня Маценко. Заткнул ему рот как раз таки Аркадий Ярославович Пеньковский, в секунду сбросивший маску добродушного толстячка: «Господин Маценко, я не буду показывать вам строчки вами подписанного контракта, где вашему руководству дано право менять вам должность и место работы. Я скажу вам просто – кто не работает, тот не ест. Ваша зарплата напрямую зависит от сданных вахтой объемов. Все, что вы делаете, оплачивается и дает свой процент в фонд заработной платы. Если вам это не нравится и вы хотите только в кабине машины сидеть – оплачивайте неустойку и обратный билет и валите на хрен домой первым же кораблем. Менее принципиального оператора на харвестер мы найдем. Здесь,

на руднике, лишних людей нет. Работаю руками тут даже я». Касательно последнего он для красного словца немного приврал, ибо устройство мостков перед собственным балком, чтобы не тонуть там в грязи, работой назвать сложно, однако постановку вопроса все слышавшие выволочку поняли. Так открыто никто больше не бухтел.

Мезенцев развел руками и примирительно улыбнулся:

– Сергей, я же не шантажировать тебя пришел! Как погода испортится и работы временно приостановят, так время у тебя появится. Проекты тебе, нам с тобой тоже, отдельно оплатят, так что можешь и вечерами начать работать. С Пеньковским и руководством на материке все уже оговорено.

Я оценил финансовые перспективы, это было совсем другим делом. Калым – это хорошо.

– С этого и нужно было начинать. Тогда первый вопрос – зачем, какие и против кого они нужны?

Не воспользоваться случаем, чтобы узнать больше об окружающей обстановке, я не мог. Одно дело лезть разнюхивать в лобовую, чего никто не любит, другое задать вполне уместный в ситуации вопрос. Мезенцев задумался. Я мысленно ухмыльнулся – прикидывать, что можно говорить, а что нет, было вполне ожидаемой реакцией. Наконец Иван Георгиевич определенно решился, я поневоле сделал стойку, не сдержав любопытства. Заметивший это Мезенцев тут же внес изменения в готовящуюся речь:

– Сегодня вечером зайдешь ко мне в штабной балок, рас-

пишешься о нераспространении. Но сразу говорю – ни с кем не болтать! Пожалеешь. Слово офицера даю! – Мезенцев испытующе взглянул мне в глаза.

Я равнодушно пожал плечами.

– Не мальчик.

Начальник команды кивнул, принимая обещание.

– Что мои стрелки от оружия и бронежилетов далеко не отходят, заметил?

– Все заметили, сам знаешь.

– Причины предполагают?

– Знают точно, пиратоопасный район, ты сам еще на контейнеровозе довел.

– Но не знают, насколько. Мы тут каждый день как на пороховой бочке живем. Оперативная обстановка в разы хуже, чем ожидалось. Ребята на катерах уже с ног сбились, вокруг архипелага всякую сволочь гонять. У этих гомосексуалистов, – тут Мезенцев застеснялся собственной нетолерантности и уточнил, – в плохом смысле этого слова, сейчас как будто путина открылась.

Это было интересно, однако не давало мне ничего, что бы не подтверждало мои мысли.

– Тогда короче, чего тебе надо?

– Сначала, противодесантный дот на мысу, – Мезенцев махнул рукой в требуемом направлении, – чтобы нас прямо с моря не прихватили, если катерники прощелкают. С ним больше всего мороки, его в рельеф придется вписывать.

– Короче говоря, тебе нужен проект производства работ на огневое сооружение с привязкой к конкретной точке на местности.

Мезенцев согласно кивнул и продолжил:

– Потом минимум четыре штуки универсальных многоамбразурных сооружений по периметру постоянного лагеря. Дальше посмотрим, какие и где на каких объектах ставить.

– Иван Георгиевич, а не до хрена ли огневых сооружений на два десятка твоих лоботрясов?

– Не до хрена. Как запахнет жареным, вы тоже оружие получите. Да и еще людей с вооружением сюда завезут.

Как ни странно, мне последние слова очень понравились. Оружие – это хорошо, если, конечно, умеешь с ним обращаться. Я умел.

– С береговой обороны, мы, значит, начинаем... Тогда два вопроса... Когда будем приступать и где ты бетон с арматурой даже на один дот возьмешь?

– У меня есть все. – Заметив мой скепсис, тут же поправился: – Немного, но есть. Оружие, бронеколпаки, бронезаслонки, арматура и даже цемент. Целый контейнер, двадцать одна тонна. Бетонное оборудование Борисенко, как понадобится, расконсервирует. И со следующим кораблем нам ещё материалы придут. Дорабатывай смену, вечером зайдешь ко мне. Определимся по рекогносцировке, опять же с метеорологом надо уточнить. Или, может быть, Зюзин завтра тебя подменит?

– Он ночью работает.

– Ладно, неважно. Тогда его пацана на несколько часов посадим. В любом случае на мыс еще геодезистов тащить.

Я пожал плечами. Посадить Ваньку за руль потренироваться было рабочим вариантом, я выскакивал из кабины вообще не по собственной инициативе. Пусть Мезенцев решает с подменой. Его нужда – его и хлопоты.

* * *

Балки нашего временного лагеря расположились в окружении контейнеров с имуществом на берегу неширокой речушки, которую Пеньковский своим произволом нарек Лаймой. Постоянный должен был находиться немного выше, пока под него экскаваторы каток с грейдером, бульдозер и рабочие, расстилающие геоткань и георешетку, готовили земляное основание и водоотводные валы с канавами. Харвестер, расчистив площади у берега, бил сквозь джунгли дорогу к скальному массиву, там мы собирались устроить каменный карьер под производство щебня для отсыпки дорог, площадок и производство бетона. Оставшаяся техника, если не стояла на приколе, то работала там же. Водители и машинисты с неиспользуемых машин сидели вторыми экипажами на работающих. Персонал РММ и двое бурильщиков собирали разобранный перед транспортировкой самоходный буровой станок и что-то там резали и варили у оборудован-

ных как ПАРМ контейнеров. Неподалеку от них, единственный – среди наших гусеничных – колесный экскаватор, установив вместо ковша грейферные захваты, формировал нижний склад. Склад пиломатериалов из нарезанной харвестером древесины разместили в районе запланированной к постройке лесопилки.

Плавучий причал сразу по уходу «Язона» был разобран, понтоны вытащены на пляж выше уровня прилива, сложены и прикреплены к установленным «мертвякам». Буксирные катера установили на сгруженные с транспорта тележки и тоже затащили на берег. Использовался только водометный разъездной катер-катамаран, периодически привлекавшийся для служебных поездок и ловли рыбы, разнообразить меню в столовой.

Мезенцев не обманул, обстановка определенно была очень серьезной. Сидевшие у него, когда я зашел, Борисенко и Пеньковский на день рекогносцировки вообще сняли меня с машины. Начальник участка даже без просьбы Мезенцева раздраженно махнул рукой:

– Пусть Ванька завтра на полный день заступает, нечего вам с места на место прыгать. С утра берите катер и делайте быстрее все свои дела. Мне геодезист на дороге нужен. Определитесь по месту, приедешь и можешь сразу начинать готовить проект. Компьютер есть? Автокад на ноутбуке не надо ставить?

Я кивнул.

– Все есть, я прикидывал, что тут может потребоваться.

– Автокадом умеешь пользоваться?

– Да.

– Хорошо. Если что-то понадобится из программного обеспечения или образцов документации, обратиться к Крамеру. У него внешний диск полностью этим бутором забит.

– Все настолько серьезно? – от данного вопроса я все же не удержался.

Мезенцев, пять минут как сунувший расписку о нераспространении для подписи, поморщился. Борисенко остановил на мне серьезный взгляд.

– Не знаю. Но предпочитаем подстраховаться...

* * *

До места расположения будущего огневого сооружения от нашего лагеря по берегу было не более полутора километров. Можно было дойти пешком, если, конечно, не соблюдать положений инструкции по безопасности, категорически запрещающей передвижение пешком вне обозначенной территории конкретной строительной площадки. На дежурном японском пикапе службы охраны добраться на мыс было невозможно, перекрывали скальник и джунгли. Соответственно, единственным доступным путем оставался водный – на служебном катере, благо катамаран с его малой осадкой мог подходить практически к самому урезу воды.

При том что я искренне сомневался, что нагруженный фотоаппаратом, автоматом и боеприпасами Мезенцев в любом случае сильно бы рвался пройтись, как, впрочем, и инженер-геодезист Андрей Крамер со своими треногой, отражателями и тахиометром. Даже если таскать один из отражателей поручили Сене Рябушеву, которому не повезло сегодня дежурить, второй достался мне. Семен был закреплен матросом за имеющим двойное подчинение катером, так что, кого выбрать в поездку, для Мезенцева вопросом не стояло. Рябушев, как и Мезенцев, был вооружен. Рулевым-мотористом катера являлся мелкий телом, но крепкий духом бывший старший мичман Краснознаменного тихоокеанского флота Анвар Гинатуллин из такелажно-рабочей команды, которую тот называл боцманской, за что к татарину приклеилось соответствующее прозвище.

Прекрасно просматривающийся с воды на фоне ровной полосы джунглей жилой лагерь, окруженный периметром контейнеров с имуществом и материалами, выглядел тем, чем, по сути, и являлся: чем-то вроде гуситского вагенбурга. Принятые руководством меры по безопасности я только сейчас сумел в полной мере оценить.

– М-да, а народ-то еще бухтел, когда мы контейнеры с площадок собирали и по периметру лагеря выкладывали.

Определенно польщенный Мезенцев указал глазами на управлявшего катером Боцмана и ответил:

– Хорошая, прочная преграда – и все имущество под ру-

кой. Спереть сложнее.

– Опять же, камеры стоят, – покивал я.

Мезенцев ответил мне хмурым взглядом. Контролирующие периметр видеокамеры, дополняющие систему раскиданных вокруг лагеря датчиков, устанавливались электриками якобы в полной секретности. Разумеется, вечером о них знали абсолютно все.

Боцман высадил на удобный песчаный участок нас одних, сам он покидать катер не захотел:

– Я малость отойду от берега, спиннинг покидаю. Радиостанции у вас есть, шумнете, когда понадобится.

Никто не возражал. На берег высадились – я с выданной мне Борисенко видеокамерой, Мезенцев и Рябушев с автоматами на плечах, нацепившие поверх обмундирования разгрузочные жилеты с закрепленными на стропах подсумками, и Крамер со своим оранжевым чемоданом и треногой. Палки отражателей он всучил мне и Рябушеву еще на катере, когда мы надевали болотники, готовясь к высадке.

Пока он готовился к работе, ловя тахиометром установленные в районе лагеря геодезические пункты, мы с Мезенцевым отошли в сторону, пытаясь найти наиболее удобное место для будущего противодесантного сооружения.

– Нам что надо? Чтобы простреливались подходы к бухте, горло и ее основная часть, так?

Мезенцев кивнул, добавив:

– И самооборона с суши, обязательно.

– Ты уже решил, под что будем строить? Что есть из вооружения? Автоматы с ПК для таких дистанций и цели типа скоростной морской катер или траулер – это не очень. Крупнокалиберное что-нибудь есть?

– Решил. БПУ-1 с подбашенными листами у меня четыре штуки лежат, одну-две башни сюда в самый раз сунуть.

– Опа-на, бэтээровские с разделки? Ещё скажи, что КПВТ к ним тоже есть, – развеселился я.

– Есть, у меня все есть.

Мне как-то сразу стало не смешно.

– Интересные у нашей конторы связи... – В этот раз я хмыкнул уже больше нервно.

Замечание было сугубо риторическим, Мезенцев равнодушно повел плечами. Я начал снимать на камеру панораму берега, бухты с нашим лагерем, большой бухты, на входе в которую мы находились. Приливная зона неплохо определялась, нужно было снять панораму на камеру с нескольких разных точек и потом отснять мыс тахиометром, для составления плана местности. От готовившегося к съемке Крамера к нам шел Рябушев с отражателем в руках и автоматом, закинутым на ремне за спину стволом вниз. На поясе захрипела выданная геодезистом радиостанция:

– Я готов. Серега, снимай быстрее, что тебе надо, сейчас Семен подойдет, будем снимать мыс в два отражателя. Лень тут на ветру торчать.

– Принял.

Мы поднялись выше, к опушке выходящего на мыс языка тропического леса, чтобы я мог взять камерой панораму с высшей доступной нам точки. Лагерь, половина нашей бухточки и даже Крамер на своей точке отсюда уже не просматривались, однако оценить подходы к досу при возможной атаке с суши нам нужно было позарез.

Я установил зум видеокамеры на ноль, не торопясь и стараясь не дрожать камерой, взял общий вид на все триста шестьдесят градусов. Далее нужно было поиграть с увеличением, снимая рельеф местности на подходах к точкам возможной установки сооружения. С ними Иван Георгиевич уже определился и даже пометил камнями и белым маркером. Слева, вдоль опушки, к нам подходил Рябушев, радостно оскалившийся и бодро помахавший мне рукой, когда камера обратилась в его направлении.

– Готово! – Я нажал на кнопку, выключая камеру, и повернулся к представителям службы безопасности.

Рябушев с Мезенцевым стояли, замерев как кролики перед удавом. Нашу растянутую вдоль опушки тройку деловито окружали грязные патлатые оборванцы с разномастным холодным оружием в руках. Мысли заскакали как бешеные. Первая, разумеется, была о том, что на острове снимают фильм и мы вылезли на съемочную площадку.

Новых лиц нашего «необитаемого» острова вблизи наблюдалось пятеро. Двое из них, крепкие невысокого роста бородачи в коже с короткими и широкими мечами в руках,

а также с заброшенными на ремнях за спину небольшими щитами, выскочив из кустов за спиной Семёна, отрезали ему пути к бегству. Еще двое находились в нескольких шагах от нас с Мезенцевым. Первый, хмурый изможденного вида мужчина возрастом под полтинник, был упакован в самую настоящую кольчугу с короткими рукавами и капюшоном на голове. Ключковатая пробитая сединой борода мужика делала его похожим если не на вернувшегося с похода за ясаком Ерофея Хабарова с известного памятника, то на примерившего доспех современного таежного старовера. В правой руке, уперев пяткой в землю, этот мужик держал копьё с длинным ромбовидным наконечником сантиметров сорок длиной. На левом боку висел примерно такой же, как у предыдущей парочки, меч в ножнах.

Контролирующий меня молодой парень рядом с ним был единственным среди этой пятерки, кто был чисто выбрит и нес на голове стягивающее длинные черные волосы кольцо из светлого металла с каким-то красным камнем посередине лба. В направлении моего живота был лениво направлен метровой длины клинок, с торчащими в стороны рогами перекладины и ясно видимой двуручной рукоятью, – классический «бастард», как будто сошедший с фотографии. Кожаная безрукавка парня была покрыта ровными рядами заклепок, над ней поневоле стягивали взгляд с меча ярко-голубые глаза. Пятый член дружного коллектива наших новых друзей стоял посередине меж двух упомянутых пар. Помимо меча

у пояса он имел колчан со стрелами и не менее аутентично, чем «бастард», выглядевший сложносоставной лук. Последний вместе с наложенной на тетиву стрелой он держал в руках. Киноаппаратуры и голубоватого вида режиссера в красных обтягивающих джинсах за нашими новыми знакомыми, разумеется, не наблюдалось.

Далее события пошли очень быстро. Гипноз немой сцены разбил красавчик брюнет, с ухмылкой поднесший указательный палец к губам:

– Тс-с-с...

Опомнившийся Мезенцев перехватил АКС, сбрасывая с плеча автоматный ремень. Рябушев в стороне, глядя на командира, тоже рванул автомат из-за спины.

Вот только косплейщики оказались неприятно готовы к подобной реакции. Лучник тут же вскинул на Рябушева свой лук, а Мезенцев тем временем банально выхватил по голове. Копейщик даже не стал опускать свой рожон, он просто шагнул вперед и, перехватив копьё обеими руками под наконечником, секанул нижним концом древка Ивану Георгиевичу по черепу. Но эта молниеносная реакция, видимо, меня и спасла.

Находившийся от меня слишком далеко мечник – на шаг-два дальше, чем следовало, и вдобавок замешкавшийся на долю секунды дал время осознать, что тут все серьезно и розыгрышем даже не пахнет. Бросок парня в моем направлении немного запоздал, я был готов его принять даже с

угрозой взмаха «бастарда». В итоге всё решили рефлексом и шаг навстречу противнику с выброшенным вперед в правом кроссе кулаком. Под кулаком хрустнуло, и модный хлыщ провалился вниз, временно перестав представлять какую-либо опасность. Меч отлетел в сторону. Однако, к своему сожалению, я был не на ринге и рядом находились его товарищи.

Мезенцев с окровавленной головой неподвижно лежал на земле, отбросив автомат в сторону. Копейщик стоял над ним, контролируя Георгиевича острием копья у горла. Меня он в эту секунду потерял из виду, и дополнительное краткое замешательство от исхода нашего поединка пришлось на руку. Я успел не только сорвать дистанцию, но и не дать ему возможность отскочить назад. Попытка мужика отмахнуться копьем только ухудшила его положение. Я принял древко на правый локоть и, опять вложив в удар всю массу своего тела, всадил кулак в его раскрытый в крике рот. Под кулаком опять хрустнуло, и мой второй противник рухнул рядом с Мезенцевым. Драться с оставшимися троими я совершенно не собирался и подхватил лежащий на земле автомат.

Решение, пускать его в ход или нет, приняли за меня. Тело Рябушева лежало на земле с торчащей из него стрелой. Оставшаяся пара мечников бежала ко мне, лучник натягивал лук, тоже целясь в моем направлении. Я шарахнулся в сторону. Лук щелкнул, стрела свистнула рядом, и у меня опять включились рефлекс...

Предохранитель, затворная рама... Лучник дергает из колчана за правым плечом очередную стрелу... Мечники уже близко...

АКС с так и оставшимся сложенным прикладом, направленный стволом в сторону лучника, дал длинную очередь. Мальчик я был без стеснения достаточно опытный, поэтому рефлекторно стрелял в «африка-стайл» наиболее удобным на разделявшей нас дистанции способом – направив ствол под ноги жертве и подводя очередь по земляным всплескам. Тут было главное глаза не закрывать. Далее был пережат и еще одна длинная очередь, срубившая мечников в нескольких метрах от моей тушки. При этом ближайшему двух пуль калибра 5,45 миллиметров еще и не хватило, отчего, когда он попытался встать и все-таки достать меня своим мечом, выпросил в себя остатки патронов из магазина.

– Орел! Орел, как слышишь меня? На нас нападение, есть трупы, Мезенцев и Рябушев ранены. Срочно эвакуируемся. Прием!

По радиации немедленно заблажил оперативный дежурный, выясняя обстановку.

– Орел, не тарахти. Нападавших пятеро, все обезврежены. Обстановку уточняю. Мезенцев получил палкой по башке, должен быть жив. Рябушева еще не проверял. Поднимай медиков и своих землекопов по тревоге, я думаю, что эти неформалы тут не одни. Меня не теряй, я переключаюсь к Крамеру на геодезический канал.

Приклеенная скотчем к радиостанции бумажка с принадлежностью номеров каналов оказалась кстати. Сначала я переключился на транспортный:

– Боцман, это Седых, гони свое корыто к берегу. Срочно эвакуируемся, у нас тут раненые.

Щелчок.

– Андрюха, собирай свое барахло и пулей ко мне. У нас раненые, потащим к катеру.

Мезенцев, когда я вытаскивал из его разгрузки полные магазины, по-прежнему оставался без сознания. А вот мои первые жертвы, как проявилось при их осмотре, уже начали приходить в себя. Старый копейщик оказался орешком крепче и, пуская изо рта кровь, шевелился, на глазах восстанавливая ориентацию и уже даже пытаюсь перевернуться. Это его и погубило. Проявленные дядей навыки мне очень сильно не понравились. Что же касается «языка», для вопросов, что собой представляют эти кровожадные косплейщики и какого черта они на людей кидаются, одного человека было более чем достаточно, даже если бы у них обоих было все в порядке с челюстным аппаратом и мне не нужно было одновременно конвоировать пленных и эвакуировать раненых.

Своей смерти копейщик так и не увидел. Я всадил ему короткую очередь в спину, когда он уже пытался встать на карачки. Второй, с лицом, залитым кровью из смятого моим ударом носа, по-прежнему был в глубоком нокауте. Я убрал от него оружие и перевернул парня на живот, чтобы не за-

хлебнулся кровью, после чего стянул руки за спиной и спутал ноги его же собственными ремнями.

Пока все время контролируя близкую опушку, ходил проверять Рябушева, пришел послеадреналиновый отходняк. Такой адской стычки с бешеным всплеском адреналина у меня не было никогда в жизни.

Хотя нет. Была. Один раз. После того тяжелого момента, когда майор милиции Пётр Васильевич Борисевич, бросившись вперёд в загаженной наркоманами блатхате, не принял на себя предназначенный мне заряд картечи...

Семен был мертв, стрела попала ему в грудь, чуть выше подсумков. Вытащить ее я не смог, чтобы снять с тела разгрузку, понадобилось стрелу сломать. Крови почти не было, парень умер мгновенно. Это определило судьбу ещё и тоже оказавшегося живым лучника, решившего, что у него хватит сил и времени, пока я отвлекся, отползти в лес.

Приходивший в себя Мезенцев сидел на земле и ощупывал разбитую голову, упершись взглядом в пробитое пулями тело копейщика. На его поясе шумела радиостанция, оперативный дежурный охраны наводил суету.

– Иван Георгиевич, ты случаем ничего не знаешь, что это за упоротые косплейщики?

Мезенцев медленно повернул ко мне голову:

– Что с Рябушевым?

– Убит.

– Пи...сы.

Я согласно кивнул.

– В самом плохом смысле слова.

Это все было, конечно, нетолерантно и даже оскорбительно для безобидных представителей преимущественно творческих профессий. Однако всё, что я думал о нападавших, содержалось в самых что ни на есть плохих красках побочных значений данного определения. Безобидное увлечение альтернативными сексуальными практиками в данном контексте никакого негатива не подразумевало.

– О нападении доложил?

– Да.

– Кто напал, уточнял?

– Нет еще. Только, что ты палкой по башке получил.

– Вот и дальше молчи. Дальше все переговоры с лагерем только через меня.

Ситуация становилась весьма даже интересной. Тем не менее, тут требовалось доложить и о пленном.

– У нас пленный. – Я кивнул в направлении главмажора напавшей группы, так и лежащего ничком, после того как я его перевернул.

– Я вижу, – кивнул Мезенцев. – Что с ним?

– Нокаут, сотрясение, нос в блин. Удар хорошо поймал.

На глазах пришедший в себя Иван Георгиевич поднял на меня взгляд, хотел что-то сказать, замялся, но потом все же решился:

– Спасибо. Ты, выходит, один и без оружия всех тут сде-

лал?

Я усмехнулся, несколько застеснявшись. Это было так, всех пятерых нападавших положил единственный невооруженный человек в группе, отделавшийся лопнувшей кожей на ударных костяшках и ноющей левой кистью.

– Если твоего автомата не считать.

– Без разницы... Ты ведь мне жизнь спас...

Я пожал плечами, присев рядом с ним на корточки и выкладывая на землю автомат Мезенцева и взятые у него магазины.

– Свою – тоже. Автомат заряжен, патрон в патроннике. Магазин неполный, около двадцати патронов.

В нескольких метрах от меня отсвечивал потемневшей серебряной насечкой и неизвестными мне рунами на клинке «бастард» нокаутированного мажора. В голову лезли какие-то совершенно фантастические выводы...

Глава II

До появления «Раптора», которым в этот раз оказался не «Black Pearl», а «Flying Dutchman», нас с Боцманом и Андреем Крамером даже не выпустили на берег. Окончательно пришедший в себя Мезенцев был краток:

– Ты старший. Оружие Рябушева пусть остается у тебя. Сидеть тут. На катер никого не пускать, разрешаю отойти от берега. Пленного никому не показывать. Рацию постоянно держать включенной.

– Канал какой? И у портативок батареи сесть могут.

– Значит, выключите, у вас катерная стационарка есть. На ее канале и сидите. Понадобитесь – вызову.

Я пожал плечами, все это дело было очень загадочным. Гораздо больше, чем следовало. Тело Сени мы с Мезенцевым вытащили на берег без всяких проблем, а вот пленного брюнета, значит, никому не показывай. Камеру с заснятой панорамой стычки и трупами перед омародериванием Мезенцев тоже забрал себе.

От безделья все внимание мы уделили взятым трофеям, больше нам делать было все равно нечего. Пленный к тому времени давно очнулся и успел еще несколько раз выхватить по голове, что окончательно уничтожило у него всякое сходство с ним же утренним. Какого цвета у него теперь глазки, под налитыми кровью черными желваками с узкими щелоч-

ками, было решительно не видно.

С места стычки Андрюхой, мной и Мезенцевым было захвачено немало трофеев. С копейщика – кольчуга, меч, кинжал, копье и обнаружившийся под кольчужной юбкой тонкий ремешок с бронзовой пряжкой, продетый сквозь шлевку стянутого шнурком кожаного кисета с монетами. После досмотра примерно такие же кошельки обнаружились под одеждой у всех наших противников. Щиты, с деревянной основой и жестким кожаным покрытием, никого не заинтересовали, меч одного из воинов не добравшей до меня пары взяли больше для сравнения. Со второго, менее пострадавшего от пуль, мужика сняли использующуюся как доспех жесткую шнурованную кожаную куртку с такими же наплечниками. На «бастард», которым меня едва не зарубили, я наложил руки без малейших колебаний, как, впрочем, и на лук с пробитым пулями колчаном. Кроме этого, у лучника обнаружился отличный короткий обоюдоострый кинжал, так же как и «бастард», украшенный потемневшим серебром, хотя и менее обильно.

Главной золотой жилой трофеев в ходе обыска ожидаемо оказался мажорчик – из его имущества мы взяли с собой все. Теперь он лежал в углу, скованный Мезенцевым по рукам и ногам наручниками, и подглядывал в свои щёлки, как мы осматриваем снятые с него трофеи. Его куртка с рядами заклепок оказалась панцирем-бригантиной, где железные пластины были подбиты не снаружи, но изнутри кожаной осно-

вы. Украшенный вышивкой красный шелковый кошель был туго набит прекрасно прощупывающимися монетами, снятый с головы обруч был явно серебряным, а украшающий его камень подозревался как рубин. Все снятое с него оружие тоже было густо украшено серебром.

Кое-какие мысли у меня уже бродили, поэтому я начал с монет, как мне казалось, логично рассудив, что они нам предоставят наиболее точную информацию.

Градация авторитетности в расстрелянной группе кошельками определялась прекрасно. Кошель мажора был набит золотом, серебром и небольшим количеством меди на размен. Покойный копейщик был поклонником серебра, тем не менее, имея в кошеле где-то примерно треть меди и тройку золотых монет. Лучник держал в кошельке серебра и меди половина на половину, плюс заношенную золотую фибулу в виде вооруженной копьем сисястой русалки. Мечники на их фоне смотрелись откровенным быдлом, держа в куче меди три-пять серебряных монет каждый.

Само исследование монет показало следующее. Технический уровень непонятен. Применительно к кошельку взятого в плен брюнета, в нем присутствовали золотые монеты двух типов. Обе с одинаковым профилем патлатого дядьки в короне и мелкими рунами на аверсе. Отличались они друг от друга массой и оборотной стороной, на реверсе различный рисунок штампа наверняка показывал номинал. Тут можно было не гадать – придумать что-то иное в монете сложно. Ру-

ны, или, если угодно, буквы и цифры не имели ни малейших следов наследия Рима – уж это я мог определить точно. Касательно сходства со скандинавскими рунами, то оно в этих письменах, возможно, и присутствовало, но в моих знаниях по данной сфере зиял досадный пробел, так что сказать, они ли это, произошли от них или просто немного похожи внешне, я не мог. Как, впрочем, и Андрей Крамер, оказавшийся в процессе общения довольно начитанным парнем.

Сами монеты были практически идеально круглой формы, кант по краю монет и рисунок на аверсе и реверсе также был весьма чётким – это все говорило о хорошем прессе и относительно развитом уровне металлообработки. А вот насечек на гурте не было, он был гладким. Это наводило на мысль, что, в отличие от продвинутого пресса для чеканки монеты, гуртовальный станок еще не изобрели.

Гипотеза о розыгрыше не выдвигалась и до этого. После изучения первых монет версия о провале в прошлое тоже приказала долго жить. Оставшееся золото дало монетку, в значительной мере совпадавшую по конструкции с меньшей из изученных, однако отличавшуюся коронованной мордой на аверсе и окруженным неразборчивой надписью затертым гербом на обороте.

С серебром в кошельках был куда больший разнобой. Серебряные монеты отличались размером, формой, коронованными профилями, рунами или, если угодно, буквами и, кроме того, износом. Некоторые были затерты в ходе много-

летнего использования почти как на шлифовальном станке. С медью была та же картина, разве что в куда большей степени.

Простреленная куртка с потеками крови внутри меня особо не заинтересовала, нашитые на нее жесткие куски кожи пули не задержали, глянул я в ней только на одни швы. У кольчуги были интересны в первую очередь кольца. Увлечение «железными» калымами в старые времена свело меня с реконструкторами, а их заказы заставили читать профильную литературу – в старом железе и холодном оружии, в отличие от некоторых других областей, я разбирался довольно-таки неплохо.

Технологию изготовления проволоки, что могло подсказать средний уровень технического развития, по кольцам я, к сожалению, определить не смог. Древнейший из известных замок на разъемных кольцах – с заклепкой – сам по себе не мог ничего уточнить. Кольца данной, проверенной тысячелетиями конструкции кузнецы ковали до самого выхода кольчуг из употребления. До второй половины XIX века, если уточнить. Плотное плетение шесть в один было вполне обычным, сварные кольца тоже. Что-то немного подсказывало разве что отсутствие цельнорубленых из листа колец и панцирного замка в разъемных кольцах видимых латок кольчуги. Эти кольца отличались от обычных отсутствием штифта, или, если угодно, заклепки, скрепляясь выкованным из самого кольца шипом.

С оружием было интереснее. Ожидание, что качество вооружения имеет зависимость от социального положения, оправдалось только частично. Качество металла меча рядового мечника не отличалось только от металла меча покойного лучника, а также ножа и наконечника копья убитого бородача. Мы, конечно, были не в лаборатории, однако легкость появления, глубина царапин и зарубок от срочно извлеченного Боцманом водолазного ножа были достаточно красноречивы. Безусловное высокое качество стали демонстрировали только «бастард» голубоглазого мажорчика, тоже украшенный серебром короткий прямой палаш копейщика и снятый мной с лучника кинжал. Последний выглядел откровенным трофеем. На пластины бригантины тоже пошла неплохая сталь, сравнимая, возможно, даже как бы ни лучшая, чем на мечи простолюдинов.

Головное кольцо я разве что покрутил в руках, с искренней жалостью, что не могу его замылить. Выглядело оно весьма даже старой и дорогой вещью. Сзади внимательный взгляд мог увидеть следы далеко не одной подгонки под конкретную голову.

На берегу тем временем стояла очень упорядоченная паника, людей срочно снимали с работы и загоняли в лагерь, охрана сидела в укреплениях в готовности стрелять в каждого обнаруженного постороннего. Посторонние почему-то все не появлялись и не появлялись.

Потом появился долгожданный уже «Летучий голлан-

дец», и события в очередной раз понеслись вскачь.

Мужчину, перепрыгнувшего к нам первым вместе с двумя подчиненными, я уже видел, в первый день прибытия... Я ещё тогда принял его за командира «Чёрной жемчужины». Образ бородача больших изменений не претерпел. Не считать же этим такие право мелочи, как тянутый с американцев спецназовский шлем под активные наушники, бронежилет в цифровой флоре, разгрузка в зеленом атаксе и раскрашенный зеленым, черным, желтым и коричневым АКС с оптикой, штатным ДТК, «тактическим» цевьем и рукояткой. И плюсом ко всему этому – серьезно заношенная офицерская сумка-планшет на плече.

Вблизи он производил весьма симпатичное впечатление жесткого, быстро соображающего и решительного человека.

Глянув на лежащего у борта пленника, он дернул его за ухо, вызвав стон и соответственно проверив состояние, после чего перешел к нам. Не виденные мной ранее жлобы за его спиной, одетые примерно так же, как он, тем временем подхватили брюнета и как мешок с картошкой закинули к себе на катер.

Гость начал с того, что, не чинясь, поздоровался с нами всеми за руку и представился:

– Командир... начальник отряда охраны водного района, Шубин Егор Иванович. Вас троих я уже знаю.

Все трое насторожились. Шубин продолжил, ткнув сложенной из пальцев вилкой в направлении Крамера и Гина-

туллина.

– Начнем с вас двоих. Вы, Анвар Ильнурович, долго служили, поэтому, что такое военная тайна, знаете точно. Она у нас не совсем военная, скорее коммерческая, но не суть. Вы, Андрей Леонидович, как офицер запаса, пусть и двухгодичник, с ней тоже должны были сталкиваться...

Шубин сделал паузу, отдавая Боцману и Андрюхе место для ответа, а себе психологическое преимущество. Крамер кивнул, Анвар бессознательно вытянулся и ответил: «Так точно».

«Просто красавчик», – подумал я.

– Вам обоим, как непосредственным участникам трагедии, положена премия. Мезенцев соответствующий рапорт уже написал, я утвердил. Вечером зайдете к Борисенко, он вам покажет начисление по электронной расчетке.

«Косточку кинул, сейчас будет объяснять, за что, и достанет кнут» – ход разговора развивался по знакомому сценарию.

– Про обстоятельства гибели сотрудника службы безопасности вы будете молчать как партизаны. На все вопросы товарищей отвечать – напали бандиты, их перестреляли, но Рябушеву при этом не повезло. Ничего не придумывать и не уточнять. Будут наседать, говорите, что дали подписку, трепаться о деле запретили в интересах следствия. Тем более что это обязательство о неразглашении информации вы сейчас подпишете.

Шубин опять оставил паузу на ответ, оба его собеседника наперебой заговорили, что все понятно и они в будущем как могила.

– Вы, я наблюдаю, – гость махнул рукой в направлении стола с нашими трофеями, – сунули нос в трофейное барахло.

Молчание было ему ответом...

– Ничего страшного в этом не вижу. Но если у кого-то из вас троих какая-то монетка, или камешек, или ножик, или что другое случайно в карман завалилось, настоятельно рекомендую вернуть. Вы, конечно, можете попытаться меня обмануть, но если я про это узнаю, пощады не ждите. Ни от меня, ни от компании.

«Вот и угрозы пошли», – я еле сдержался, чтобы не ухмыльнуться.

– Стоит ли это говно, – Шубин равнодушно махнул рукой в сторону рассыпанных по столу монет, – потери работы и тех неприятностей, которые компания вам доставит, решайте сами. От себя могу сказать от чистого сердца – нет. Золотые монеты, вы, я уверен, поняли, в каталогах отсутствуют, как нумизматическую ценность вы их, даже если провезете, не скинете. Только как лом. Лом в очень хорошей пробе это полтора-два косаря с грамма. И то, если лоха найдете. Нормальный скупщик даст вам самое большее косарь. Сколько вы тут в месяц должны получать? Стоит того?

Все трое хмуро смотрели на бравшего нас за горло чело-

века. Я лично ничего со стола не брал – но как это доказать Шубину, если он предполагает обратное? Тот тем временем продолжал разливаться соловьем:

– Серебро, не говоря о меди, в наше время стоит копеечки. Выхлоп со старых монет идет от редкости и ценности. Ничего такого тут не светит. Но вы можете оказаться такими наглыми и глупыми, что попытаетесь совершить историческое открытие. Клад с монетами неизвестной цивилизации. Ребята, вам стоит понять, что в этом случае головенки таким хитрецам открутят еще раньше, чем компания до вас доберется. Как и в случае крупной продажи изделий или, боже упаси, камешков. И в результате нам придется тратить очень много денег и сил, чтобы решить вопрос уже не с вами, а с этими людьми. Жадность – это очень плохое и крайне опасное качество. Для всех. Поэтому давайте договоримся так. Мы все сейчас отвернемся от стола. И вы трое по очереди к нему подойдете и положите на стол то, что к вам в карманы случайно упало. Никто не будет за вами при этом подглядывать.

– Я ничего не брал, – отрекся Боцман.

– Мне как-то без разницы, – Шубин был ласков. – Можете мне не верить, но меня вполне устроит, если вы выложите свои трофеи даже открыто. Никаких неприятностей у вас от этого не будет. Делается всё для того, чтобы вы сами последствий не боялись. Поэтому – встаем, отворачиваемся, каждый из троих поочередно уходит назад, подходит к сто-

ду шевелит хабар и, если что-то спёр, укладывает на место и возвращается. Потом поворачиваемся, и ни у кого нет претензий.

– Но я же ничего не брал! – Татарин, было такое ощущение, поймал клин.

Шубин тоже про это подумал и добавил в голос немного нервов:

– Гинатуллин, мне похрен! Отвернулись, прошел к столу, пошуршал, встал на место. Пошел следующий. Все прошли, и я никого не подозреваю. Что-то непонятно?

Бецман кивнул. Сделали, как Шубин приказал. Что любопытно, не брать-то, конечно, никто не брал, но на столе внезапно обнаружился украшенный серебром нож мажора, исчезновение которого я до этого как-то пропустил. Шубин ухмыльнулся.

– По тебе вопрос, Сергей Алексеич, будем решать отдельно. – Палец указывал уже в моем направлении. – Пока дуй на наш катер, мужики тебя там разместят. Я доработаю здесь и присоединюсь.

– С оружием?

– С оружием, мы пока отсюда никуда не уезжаем.

Я пожал плечами и отправился на соседний катер, тершийся о наш борт на волне. Вооруженный автоматом вахтенный, навьюченный помимо оружия разгрузкой, бронежилетом и пистолетом в набедренной кобуре, молча помог мне подняться на борт и указал жестом на люк в кубрик.

Внутри меня встретили семь человек, сидевших на автомобильного вида креслах у стен и пивших чай. Обстановку, помимо данных кресел с подголовниками и ремнями, составляли, прикованный к упирающейся в потолок стойке пленный мажор, две компьютерные консоли с поворотными креслами по сторонам у прохода в рубку и наполовину заполненная оружейная пирамида на поперечной переборке возле кормовой лестницы. Все семеро при себе имели одни только пистолеты. Пирамиду дополнял чайный уголок с электрическим титаном, отстегивающимся от стены столиком и шкафчиком, полным кружек, печенюшек, сахара и тому подобного. На полу, простите, палубе кубрика, лежала куча имущества, включая АГС и одноразовые гранатометы.

Немую сцену разбил квадратный такой, раскачанный и выбритый наголо мужик лет тридцати пяти, с головы до ног, включая чехол броника, упакованный в единой цветовой гамме «A-TACS Foliage Green», в отличие от большинства присутствующих. От такого определяющего признака российских военных, как на пятерых человек десять – двенадцать рисунков обмундирования, российский менталитет не ушел даже на этом ну очень непонятном острове.

– Ты у нас, что ли, герой дня?

Я пожал плечами:

– Возможно.

– Присаживайся. Чай, кофе?

– Не откажусь. Наверное, чаю.

– Сюда садись, – мне жестом указали место, – чаю сейчас налью. Автомат, чтобы не мешался, можешь поставить в пирамиду.

Мне налили чаю, и пока его пили, я познакомился с людьми. Компания мне понравилась, спокойные такие, основательные волчары, равнодушно, но неуклонно идущие по следу жертвы, которая еще бежит, но не знает, что ее судьба решена – еще с тех самых пор, как волки встали на след. Вооружены они были просто прекрасно – всё вооружение в пирамиде имело коллиматорные либо оптические прицелы, а в качестве личного оружия они вообще использовали отлично узнаваемые глоки, которые я впервые видел так близко. Причем глоки, видимо, в «военной» модификации. В мягких цилиндрических подсумках на поясах и разгрузках, судя по одному из них с расстегнувшимся клапаном, лежали не газовые баллоны, а пистолетные глушители.

Расспросить в подробностях обстоятельства происшествия народ не успел, появился Шубин.

– Познакомились уже? Тогда буду краток, Сергей Алексеевич. Твое дело и особенно не показанные в нем навыки меня впечатлили. С ними тебе крутить баранку в наших условиях безумное расточительство. Поэтому садись вон туда к терминалу и пиши рапорт о переводе в отряд охраны водного района.

Я не пошевелился:

– За добрые слова, конечно, спасибо. Но что касается пе-

ревода, разве сначала меня спросить не требуется?

Шубин на секунду задумался:

– Ах, ты же не в курсе. На рядовой должности получка почти в три раза больше, чем у тебя сейчас. Доплаты за секретность, премии за выполнение особых заданий. В отличие от работяг, выплачиваются межвахтовые. Увеличенный соцпакет. Карьерные перспективы. У нас не армия, командиры подразделений назначаются исключительно по деловым качествам. Тебе с твоим опытом и дипломом прямая дорога в техническую службу, ремонтировать технику и вооружение. Техники у нас много, людей мало. Будет больше. Одни выгоды. Соглашайся...

– Ты извини, Егор Иванович, – на «ты» я перешел для провокации, проверить реакцию Шубина и присутствующих, – этот рай на земле, я верю, прекрасен, но ты забыл и об его оборотной стороне рассказать.

Шубин воспринял «ты» спокойно, люди – тоже.

– Обратная сторона одна – пока здоровье позволяет, будешь работать у нас. Вход рубль – выход десять. Молчать о наших делах – до конца жизни. Больше, пожалуй, ничего особенного от тебя не требуется. Что такое дисциплина, ты знаешь. Да, с нашим социальным пакетом и медобеспечением со здоровьем у тебя долго будет все в порядке.

Тут взгляд Шубина поймал одного из бойцов:

– Саша, покажи Сергею какой-нибудь контракт.

Парень подтвердил получение приказа и, чуть покопав-

шись, вывел мне на одну из консолей типовой контракт сотрудника данного подразделения. Условия были более чем привлекательны, да и прямота Шубина тоже подкупала. Но нужно было расставить точки над i.

– Все это прекрасно, но на криминал я подписываться не хочу.

Народ почему-то развеселился. Шубин тоже подавил улыбку.

– А что ты считаешь криминалом? Компания «Голден Гермес» в своей работе принципиально против нарушений положений российского законодательства.

Мне тоже очень захотелось ухмыльнуться:

– Включая хранение и перевозку оружия на корабле с кипрским флагом?

Может быть, я и зря это сказал, однако, когда тонешь в болоте вне видимости от берега, не до политесов. О подразделении, в которое меня вербовали, требовалось узнать максимум. Реально, насколько я оценивал ситуацию, никакого особого выбора у меня не было. Со мной просто соблюдали приличия. Слишком глубоко я залез в секреты, которых не должен был даже видеть, не то, что в пронизанных ими событиях участвовать.

Народ снова развеселился, Шубин в этот раз тоже не стал давить ухмылку:

– Разумеется. Нет, мелкие рабочие нарушения процедуры, безусловно, найти можно, но наличие оружия на «Язо-

не» полностью в рамках закона. Ты реально думаешь, что это все... – Шубин крутнул пальцем, – можно закупить и вывезти без привлечения внимания органов? А если ты про автоматчиков на палубе, то контейнеровоз к этому времени находился вне российских территориальных вод. Как и мы с тобой сейчас. Чья земля – того и законы. Я полагаю, что это правильно.

– И какое наказание по законам этой земли я понесу за свои четыре трупа?

– Конкретно этой? Никакое. Необитаемый остров, закон тут одни мы. Ты же не своих соседей по балку там пострелял? Смело можешь считать убитых бешеными собаками, от которых спас жизни людей.

– И разборки с правоохранительными органами страны, где мы находимся, не будет? Они посчитают так же? – Тут я показательно включил дурочку, хотелось посмотреть на реакцию.

Вот только Шубин меня тут же раскусил:

– Сергей, маска дурачка тебе не идет. Ты уже давно все понял и прекрасно понимаешь, кто является правоохранительными органами на архипелаге. А кто бандитами и незваными гостями... Короче. Заставить тебя я, конечно, могу, но не собираюсь. Не оправдает. Нам в отряде нужны одни добровольцы. Если говоришь «нет», подписываешь документ о неразглашении и валишь на берег. Если «да» – кончай выкобениваться, пиши рапорт и вали на берег за личными веща-

ми, ты переезжаешь. На условия никто не жалуется, но все подробности только после твоего согласия. Второго шанса у тебя не будет. Твой ответ?

Я задумался. И когда наконец-то решился, то даже задержал дыхание, как перед прыжком в воду, прежде чем ответить – да. Из того, что меня ждет, просматривались только контуры, однако одно я знал точно – моя жизнь с этим «да» бесповоротно изменилась.

* * *

Перевод в отряд охраны водного района состоялся мгновенно. Мы с Шубиным спустились с катера, дошли до штабного балка, он вытащил мой рапорт с уже имеющейся своей резолюцией в верхнем левом углу и сунул Борисенко на согласование. Тот расписался. Причем, что интересно, внизу, ясно показав, кто из них находится наверху пищевой пирамиды. Далее я сдал Мезенцеву оружие и обменялся с ним прощальным рукопожатием. Пока собирал вещи, попрощался и с Зюзиными. Ушел под напутствие старшего:

– Серёга, ты это, осторожнее там. Даже отсюда видно, что какое-то непонятное дерьмо творится...

Несмотря на суету, поднятую в лагере, искать гостей катерники особо не торопились, приступив к этому только после того, как Шубин порешал свои дела в нашем лагере и высланная с катера досмотровая группа притащила на борт

и утопила в океане трупы.

Как я подспудно и ожидал, застреленные мной люди с пониженной социальной ответственностью были не одни. Тем не менее, удивиться при обнаружении подельников все же пришлось. Корабль, на котором эти головорезы решили нас посетить, был далеко не барком «Товарищ», ему было далеко до USS «Constitution», и даже, мать его так, норвежский драккар или, если угодно, посконно-ватная русская ладья смотрелись на фоне этого бороздителя морей сущими океанскими лайнерами. Злобные морские бандиты прибыли нас грабить и убивать на деревянной лодке – пяти- или шестиметровой длины деревянном корытце с заостренными носом и кормой.

Нашли их буквально минут через двадцать после того, как с катера запустили раскрашенный пиксельным камуфляжем беспилотник – летающее крыло с полутораметровым размахом крыльев.

Сидевший за одной из консолей оператор беспилотника, невысокий, широкоплечий обрусевший армянин Саша Габриелян повернул ко мне стриженную под ноль голову:

– Смотри!

Лицо я был новое, и парень по молодости лет пытался произвести впечатление. На сером фоне телеметрии инфракрасной камеры горел яркий огонек костра и бродили вокруг него два тепловых пятна человеческих фигур. Стоявшую на впадающей в море реке лодку переключившийся на дневной

канал оператор БЛА сразу не заметил, она наблюдалась строго с одного довольно узкого ракурса. Но когда летательный аппарат начал незванным гостем кружить вокруг костра, удалось в подробностях рассмотреть и ее.

Кто-то из загонщиков вздохнул за спиной:

– Идиоты...

Спорить с ним было непринципиально, хотя чего он нашел глупого в людях, которые не подозревают о наличии беспилотников и тепловизоров, было непонятно. Или он передвижение на таком унылом човне имел в виду? Меня же больше интересовало другое:

– А что самолетики используете, а не квадрокоптеры? Они же на катере удобнее?

Габриелян уже собирался ответить, когда его опередил Шубин:

– Квадрик всем хорош, но со временем полета у него для нашей специфики слабовато.

Подождав, будет ли Шубин продолжать, айтишник кораблика уточнил:

– Так-то у нас квадрокоптеры есть, но полчаса полета – это просто ни о чем. Ни туда, ни сюда. Используем для доразведки, но редко.

– Доразведки?

Габриелян оглянулся на Шубина, то скривил губы в усмешке и похлопал меня по плечу:

– Сиди, смотри, как время придет, все тебе расскажем и

даже покажем.

Привлекать к операции нового члена коллектива никто не собирался, мне нужно было только не мешать, смотреть, думать и следить за пленным мажором, вплоть до кормления и снятия ему штанов при выводе по нужде включительно. Мажора Шубин охарактеризовал кратко:

– Ценный кадр. Следи за ним, будет обидно, если что случится.

Портить складывающийся авторитет мне было невыгодно, поэтому пришлось включать мозг и думать на перспективу, беспокоиться о том, чтобы вовремя сводить эту сволочь погадить и так далее. Народ молча наблюдал за моими действиями, это определенно было чем-то вроде экзамена.

Теперь, когда его подельников нашли, возникал вопрос, что Шубин будет делать дальше. Тот вел себя как-то странно, будто и не собирался выходить в море. Сидевшие на борту автоматчики тоже не суетились. Данный вопрос я провентилировал у Бори Астапова, того самого видного мужика в атаксе, что меня так приветливо встретил. Тот был бывшим собровцем, откуда-то из центральной Сибири. Боря принял вопрос спокойно:

– Ну и зачем нам суетиться под клиентом? Сам подумай, куда они теперь от нас денутся?

Вопроса я откровенно не понял:

– В лес...

– Ха, ты здесь ходил по лесу? Все, они влипли. Мы не су-

етимся, потому что знаем, где они находятся. Но не знаем, сколько их там. Сунемся туда днем, кто-то обязательно сбежит, ищи его потом...

– Ночью хотите захватить?

– Ага, ночью даже по чистым джунглям они не пойдут. А вот у нас ПНВ⁶ есть. Даже если сменят место, костер их выдаст.

К Астапову присоединился Саня Ким, высокий, модельно красивый парень чуть старше Габриеляна, чья национальность ясно определялась не раньше озвучивания фамилии и определенно собравший во внешность все лучшее, что было в народах, чья кровь текла в его жилах:

– Шеф всех сразу хочет прихлопнуть. Кого-то здесь искать, в этой сельве, дивизия нужна.

Астапов продолжил:

– К ночи все к стоянке соберутся, разом их там и положим.

О планируемом убийстве ребята говорили без малейшего стеснения и с равнодушием, будто тараканов собирались раздавить. Это многое говорило и о них самих, и о фирме, которая нам платила.

Отличный повод оглядеться по сторонам и оценить сложившиеся психологические портреты моих новых коллег.

Шубин – помимо ранее отмеченных качеств, подтвердился интеллект, навыки умелого манипулирования людьми, отличное знание практической психологии и прочие, что на-

⁶ Прибор ночного видения.

зывается, «отличные оперативные способности». Образ бывшего армейского или ВВ-шного строевого офицера не складывался. Отпечаток долгого управления военнослужащими срочной службы, которых куда ни целуй, этим местом всегда будет задница, у них, так или иначе, впечатывается на всю жизнь. С оружием обращается профессионально, должность требует навыков управления, характерных для силовых подразделений и мероприятий. Это значит что ГРУ, включая службу в спецназе, будучи достаточно вероятным прошлым моего нового командира, отступает на задний план на фоне спецподразделений МВД, ФСБ или, если угодно, Росгвардии. Готов спорить про ФСБ. Причем в первую очередь на ум лезет «Вымпел», если, конечно, его бывшая специализация уж очень не изменилась. Я, конечно, не сильный знаток специфики эфэсбэшных отрядов, отделов и управлений, однако навыки работы Шубина с людьми больно плохо ложатся на чистые подразделения антитеррора и обеспечения оперативных мероприятий. В последних процесс общения оперуполномоченных с клиентами обычно происходит не разговором, а посредством автоматического оружия.

Борис Астапов – майор-собровец, как я понял из разговора в ходе знакомства, откуда-то из Кемерово, Красноярска или Новосибирска. Командир десантной группы. Неплохой, порядочный мужик, если первое впечатление меня не обманывает. Уверен в себе настолько, что безразличен к подчеркиванию статуса перед подчиненными, пользуется авторите-

том и непритворным уважением коллектива. Профиль образования непонятен. Наиболее вероятен характерный для МВД вообще и его спецподразделений путь – срочка и гражданский вуз. Вполне возможна вся служба от лейтенанта до майора в отряде. В принципе можно допустить школу милиции, ах да, институт МВД или военное училище.

Василий Михайлович Блохин, в просторечии Михалыч, – матёрый такой образчик «страшного прапорщика». Мужчина разве чуть выше среднего роста, но с пудовыми кулаками. Широченные плечи, заметное брюшко, чистое лицо, бритая голова и жутковатый взгляд рептилии. Самый опасный человек на катере после Шубина. Заместитель командира группы, по возрасту самый старший в ней, от сорока пяти лет до полтинника. Про образование сказать сложно, определено далеко не дурак. Живой образец замечания, что превосходство в образовании далеко не всегда доказывает превосходство в интеллекте. Исходя из должности, бывший армейский или ВВ-шный спецназер или что-то типа того.

Александр Габриелян – молодой парень лет двадцати пяти, со всеми достоинствами и недостатками возраста. Общителен, не глуп, доброжелателен, пользуется несомненной симпатией коллектива. Погоны вряд ли, разве что срочная служба. Оператор беспилотника с совмещением должности моториста катера, можно предполагать технический университет за плечами.

Александр Ким – весь такой красавец собой из обрусев-

ших корейцев. На год-два постарше Габриеляна. Очень много времени проводит в тренажерном зале и, судя по движениям, в додзе, на ринге или, возможно, ковре. Вполне возможно, получил образование в учебном заведении какой-то из силовых структур.

Юрий Лященко – типичный такой образчик младшего офицера из жертв сердюковских реформ. Сухощавый спортивный парень немного за тридцать, возможно бегун. На ребре ладони татуировка «За ВДВ». Самоуверен, вероятно, очень даже любит считать себя умнее других. Возможны проблемы в общении. Отношение сослуживцев нормальное, но без особой теплоты.

Геннадий Бобков – крупный, спокойный как удав парень, около тридцати, с короткой «шкиперской» бородкой. Пулеметчик десантной группы. На лидерство в коллективе не претендует, но должен быть надежным подчиненным и хорошим товарищем. Типичный бывший срочник или контрактник, из той жизни на рукаве носит морпеховский «штат». Не глуп, образование – непонятно.

Вячеслав Иванов – невысокий жилистый парень, на вид чуть постарше или ровесник Бобкова. В противоположность ему шустр и общителен. Данная пара определенно близко дружит. Рулевой катера, так что, вероятно, из мичманов, логична срочка и гражданская мореходка, в принципе, возможно даже что и уволившийся со службы флотский офицер.

Николай Александрович Волков – лысеющий, за сорок возрастом, немного заплывший поверх мышц жирком, но сохранивший выправку несомненный экс-офицер ВМФ. Командир катера. Умен, уравновешен, не лезет за словом в карман, в речи нередко сквозят сарказм и циничные шуточки к месту. Пользуется большим авторитетом в коллективе.

Не последнюю роль в моем согласии на предложение Шубина сыграла достаточно высокая оценка увиденных мной людей. Однако теперь, после равнодушного обсуждения будущего убийства, в принципе можно было задуматься, не зря ли я это сделал. Чего я, однако, принципиально делать не стал. Сам не ангел, двух раненых пристрелил и не поморщился. С таким багажом совсем не мне морду кривить при обсуждении, контекст принятия решения по которому мне неизвестен. Да и поздно уже метаться в любом случае. Я не семнадцатилетняя студентка из провинции, заламывающая руки на краю широкой кровати, пока снявший ее на углу владелец престижного «мерседеса» принимает душ. Как это там было в хорошем фильме? «Взялся плясать с дьяволом, пляши до конца песенки»?

* * *

Некстати помянутая песенка заиграла очень быстро. Для ликвидации незваных гостей Шубин, не умничая, отправил группу пешком по берегу, рассчитав время таким образом,

чтобы они подошли к району ночлега с наступлением темноты. С выходом группы в район с катера провели доразведку цели еще одним вылетом беспилотника. Полный азарта охоты, Шубин плохо скрывал своё самодовольство – ИК-камера обнаружила у костерка уже четыре, а не два тепловых пятна. Далее я притащил возвратившийся БЛА на катер, и мы тоже отбыли в нужный район.

Речушка, или, возможно, широкий ручей, на берегу которой несчастные жертвы кораблекрушения должны были принять свою судьбу, начиналась на поросшей густыми джунглями горной гряде в западной части острова. Той, что в районе отметки 156 метров от уровня моря. Лодку наши гости завели в реку и вытащили на берег, замаскировав от обнаружения с моря, однако, увы, не с воздуха. От устья они ушли метров на триста вверх по течению, что определенно говорило о наличии у мерзавцев криминальных умыслов. Ну, или их опасения по криминальным умыслам проплывающих мимо мирных мореплавателей. Это было для нас весьма удобно, не нужно было особо красться, чтобы замаскировать рокот двигателей.

После выхода ребят на костер, освещающий устроенный клиентами шалаш и часового у его входа, Шубин приказал запустить квадрокоптер. Егору Ивановичу загорелось в учебных целях записать видео нападения. Возникшую идею, что он хочет покрасоваться передо мной, я отмел. Не тот человек.

Квадриком управлял опять-таки Габриелян с той же правой компьютерной консоли в кубрике. Шубин уселся за левую, приказав вывести телеметрию и на свой экран. Я встал за спиной оператора. Волков, оставив в рубке Иванова, пристроился за спиной начальника. Сцена чем-то напоминала ожидание просмотра захватывающего боевика. «Дедпула», например.

Вот только со зрелищными боевыми сценами мы обло-мались. Группа, тускло растянутая буквой Г вокруг бивака, вместо того чтобы залить жертв автоматным огнем, отправила вперед одинокое тепловое пятно, которое, подкравшись к сидевшему у костра часовому, банально стукнуло его пистолетом по голове, решив не пользоваться даже оснащенным ПБС огнестрелом. «Бешеных реконструкторов» определённо пытались забрать живьём.

Шубин поморщился:

– Опять Боря пацифиста из себя корчит. – Из данной фразы можно было сделать греющий душу вывод, что с характеристикой Астапова я не ошибся.

А вот Шубин с выводами не угадал. Тридцатую секундами позже, видимо получив предложение, от которого им безопаснее было не отказываться, лица, отдохавшие в шалаше, неосторожно резко ломанулись на выход. В результате чего стоявший сбоку от входа парень, даже не сходя с места, из того же пистолета их перестрелял. Прикрывавшие его автоматчики молчали, их помощь при расстреле не требовалась.

Ещё через двадцать секунд Астапов вышел на связь:

– Косатка, это Остап. Задача выполнена, противник нейтрализован. Взят пленный, мальчишка лет двенадцати. Еще двое ранены, один глухой.

Шубин лениво протянул руку и вытащил из крепления на стене отличную головную гарнитуру:

– Шейн – Остапу. Что с ранеными? Ходить могут? Прием.

– Остап на связи. Оба тяжелые, нет. Прием.

– Этих в расход. Пацана на катер. Идите вдоль берега, мы встанем у устья.

– Принято, Шейн.

Человек на экране без колебаний поднял пистолет и дважды выстрелил.

Шубин грустно и при том цинично усмехнулся, отслеживая мою реакцию:

– Вот так вот тут и воюем. – И тут же перейдя к Габриелю: – Саша, возвращай квадрокоптер.

Я пожал плечами. Ничего другого мне не оставалось.

* * *

Приведенного группой Астапова мальчишку на катере ждали два потрясения. Сначала он вздрогнул, увидев меня, потом разревелся, заметив прикованного к стойке мажора. В лице мальчика проглядывались несомненные общие черты с пленником, и даже огромный синяк под правым глазом

этого не портит. Собственно, учитывая состояние первого пассажира, их сходство в чужих глазах даже в определенной степени увеличивалось.

Мальчишка был тощий, жилистый, с длинными иссиня-черными волосами и, когда я взял его за подбородок, то вовсе не удивился, поймав взгляд ярко-голубых глаз. Рубаха под грязной кожаной курткой несла тот же вышитый орнамент, что и у захваченного мной брюнета.

– Можешь что-то сказать? – Моими движениями заинтересовался развалившийся в кресле Блохин.

– Родственники. Так думаю, младший брат, – я махнул рукой в направлении пленника.

Тот впервые за сегодняшний день решился поговорить, вздохнув, дернувшись и выдав какую-то нервную тираду, истерично повышая голос с каждым предложением.

Шубин встретил крик души пленника неожиданной издевательски-злой ухмылкой:

– Сюрприз, да?

Крик, разумеется, продолжился, и истерящего мажора оборвал всё тот же растекшийся в кресле Блохин. Михалыч повернул голову и лениво сунул пленному подошвой ботинка в голову, оборвав его непонятный словесный понос, как выключателем щёлкнув:

– Не выражайся, сука. У нас здесь дети...

Вокруг засмеялись. Ревущий мальчишка бросился к пленнику и, обхватив его руками, спрятал заплаканное лицо на

плечо. Из заплывших синяками глаз парня тоже текли слезы.

Смех как-то резко исчез, и все молча смотрели на них двоих. Возникшую тишину нарушил Шубин, обратившись почему-то к одному мне:

– Жалеешь их? Лучше не стоит. Доберемся до базы, я тебе объясню почему.

Развернувшийся после отхода от берега катер, слегка вздрагивая на волне, быстро набирал ход...

Интерлюдия

Для Ардала ан Конна сегодняшние сутки оказались самыми тяжелыми в его невеликой жизни. Когда-то мальчик крепился, кусал губы от ненависти и нежелания уронить даже слезинку, когда из выгоревших развалин замкового донжона извлекали тела отца и матери. Головешку, когда-то бывшую его матерью, брат опознал только по остаткам драгоценностей, а мало затронутое огнем полуразложившееся тело отца — по одежде и родовой диадеме на голове. Мальчик искренне радовался избранному братом пути мщения и, стремясь его не подвести, не допустил ни одной жалобы за все два года их совместных скитаний. Молодой граф ан Конн поклялся на алтаре Хелы; кто он был такой, чтобы мешать своей слабостью брату выполнить обещания Владычице Дикой Охоты? Невольные, незамеченные никем слезы лишь иногда приходили, когда младший брат помогал старшему бороться с последствиями полученных ран. Но даже тогда Ардал ан Конн точно знал — брат выкарабкается, его путь закончится не раньше, чем он отомстит виновным в смерти семьи. Ибо он в этом поклялся перед алтарем Покровительницы Справедливости, пусть даже ценой этого может стать смерть в ту же секунду, как умрет последний из них...

Его вера в брата и их общий Путь Справедливости не колебалась ни в одном абордаже, включая последний, когда на

вражеском корабле оказался неожиданно большой и умелый экипаж и исход боя долго висел на волоске. Он знал, что они не умрут в море, но доберутся до суши и найдут там свой новый корабль, когда вычерпывал воду посреди океана из заливаемой волнами шлюпки. Он ничуть не обеспокоился, когда брат решил прижать трех непонятных людей в странных одеждах, увиденных им на морском берегу. Даже мощнейший удар в лицо, выбивший из-под брата ноги, разве что немного вселил беспокойство в его сердце. Когда сваливший братишку человек из своего колдовского артефакта добивал раненых, он все равно знал, что брат всегда выкарабкивается и, пока он жив, ещё ничего не потеряно.

Чувство беспомощности посетило его не раньше, чем гнилозубый Мерти, плававший с ними уже целый год, внимательно выслушав его рассказ и приказ идти брату на помощь, переглянулся с остальными двумя матросами и, радостно гыгыкнув, ударил брата своего капитана в лицо.

– Давно хотел это сделать.

Потом матросы пинали его ногами до тех пор, пока Мерти не взял Ардала за волосы и не упер острие ножа в горло.

– Твой брат, Рэйн ан Конн, был не самым плохим капитаном, щенок. Ты тоже путался у нас под ногами не часто. Поэтому всё еще жив. Но я в любое мгновение могу это поправить. Граф напал на колдунов, они всех там убили, и теперь ты хочешь, чтобы мы тоже умерли?

Потом было всепоглощающее чувство абсолютной, бес-

сильной безнадёги со всполохами надежды, что брат освобо-
дился, сбежал и вот-вот выйдет к костру, что было выбито
внезапным ударом по голове.

Когда он очнулся, надежды уже не стало – у костра бы-
ли колдуны. Умиравший Мерти смотрел ему в лицо и что-
то пытался сказать, отплевываясь кровью. Пока стоящий над
ним колдун не направил ему в голову удерживаемый в пра-
вой руке предмет, и она просто раскололась. Но даже тогда
он не позволял себе заплакать.

Сломался он не раньше, чем в освещённых магическим
светом внутренностях вражеского корабля увидел прикован-
ного к столбу брата, который все-таки оказался жив. И ока-
завшийся среди колдунов человек со знакомым лицом пой-
мал его ладонью за подбородок...

* * *

Пункт дислокации отряда охраны водного района мне по-
нравился, хотя полноценно разглядел я его не при свете фо-
нарей, а только утром. В отличие от нашего, точнее бывше-
го моего рабочего, лагеря, размещение и планировка кото-
рого обеспечивали в первую очередь производственные за-
дачи, тут всё было подчинено безопасности. Всё, что было
между ними общим – это принципы планировки. Впрочем,
из-за обеспечения той же безопасности при нападении.

Сердцем обоих городков являлись составленные в единый

комплекс административные помещения. Вокруг них, оставив достаточное свободное пространство, чтобы могла кружить заехавшая в проезды грузовая автомашина, стоял квадрат блок-контейнеров жилых и хозяйственных балков, образуя своеобразную цитадель. У нас жилых балков на полный периметр не хватило, так что их разбавляли грузовыми контейнерами с наиболее актуальным имуществом; тут, видимо, все балки были жилыми, смотря наружу стеклами окон, а внутрь входными дверьми, выходящими на тротуар из трапной решетки.

Далее, опять оставив автомобильные проезды и сборочные площадки, в обоих случаях располагался квадрат рабочих блок-контейнеров подразделений технического обеспечения и складов в виде контейнеров с имуществом. Тут заметных отличий уже не было. Разве что на той стороне острова этот периметр был больше, тут меньше. Стрелковые ячейки, выложенные из мешков с песком, ничем по конструкции тоже не различались.

Расположенный рядом со стоянкой для техники склад ГСМ тут отличался своим стационарным исполнением – выставленными на бетонном основании рядами танк-контейнеров в два яруса один на другом, соединенных между собой системой труб. Кроме того, количество используемых ёмкостей тут было несколько меньшим. В принципе, там после обустройства основного лагеря он должен был стать таким же, разве что заметно больше размером.

Далее пошли бросающиеся в глаза отличия. Первое, что резало глаз, это окружающие основной лагерь и склад ГСМ трехметровые стены, набранные из полутораметровой высоты габионов. Судя по спиральям и ткани военного типа именно того отвратительного изобретения инженеров НАТО, что все последние десятилетия помогали колонизаторам укрощать свободолюбивых туземцев.

Данное изделие, представляющее собой проложенные тканью блоки металлической сетки, заполняемые любым доступным грунтом, буквально сразу же после своего внедрения стало одним из самых дешевых, удобных и надежных фортификационных средств, используемых воюющими армиями проклятых буржуинов. Лицо, комплектовавшее инженерным имуществом отряд охраны водного района, явно не зря ело свой хлеб. А вот Мезенцев с его рытьем окопов экскаватором и их доработкой вручную вспышку определенно прошелкал.

Нет, окопы тут тоже были, но в гораздо меньшем количестве, практически только вокруг огневых сооружений. Их место занимали рвы, что было в принципе логично – брать грунт в габионные конструкции откуда-то было нужно. Далее все это окружали провололочные заграждения – выложенные в три-четыре ряда и лежащие поверх колбасы спирали Бруно из режущей ленты, перемежаемые и местами окруженные торчащими из травы коврами путанки.

Сам грунт в районе лагеря ОВР определенно был лучше.

Вместо красно-желтой глины или чего-то ей подобного, обещающего стать первоклассной грязью, тут лежали чистые песчаные грунты.

Овровцы, на правах «кто первый встал, того и тапки», заняли, вероятно, по всем показателям, кроме производственных, наиболее удобное место. Даже бухта, в которой они базировались, была гораздо более удобна, чтобы укрыться от океанской волны, нежели ранее виденный мной заливчик.

Ночью я никого не интересовал, разве что в городке меня встретил извещенный Шубиным комендант, показавший мне балок, где я буду жить, туалет, баню, столовую, прачечную, спортивный зал и пожелавший спокойной ночи. В указанном блок-контейнере, как ни странно, никто не жил. Зато было электричество и полная обстановка, включая настенный телевизор и DVD. Жизнь определенно налаживалась.

Утром, около установленной рядом с дежурной частью курилки, я познакомился с основной частью моего нового коллектива. Почему меня поселили в пустой балок, стало понятным – народу было поменьше, чем в рабочем лагере, а вот жилых помещений, напротив, – больше.

Я, в своем пустынном DPM, ясно отличавшем островных работяг, мгновенно привлек внимание людей. Курили в беседе два-три человека, остальной десяток просто бесцельно чесал тут языками.

– Это случайно не ты вчера этих чувачков одними кулаками положил?

Вопрос мне задал тот самый косплеющий то ли Джека Воробья, то ли Джонни Деппа парень, которого я в первый день видел на катере.

Я безразлично пожал плечами.

– Возможно. Но про одни кулаки это преувеличение.

Мне сунули руку:

– Женя. Я рулевой на «Черной жемчужине».

Познакомились с остальными. В ходе завязавшегося разговора удержаться от подколки оказалось выше моих сил. Да и прощупать реакцию сослуживцев на раздражители было нужным делом.

– Ты кораблик у Барбоссы уже отжал или еще не ссорились?

Евгений зажигательно хихикнул:

– Прячется сучок.

Я для порядка улыбнулся, однако рядом тоже появилось несколько улыбок, видимо, я нечаянно попал шуткой посреди неизвестного мне контекста. Женя продолжил:

– На самом деле тут просто страшно скучно. Четвертый месяц уже сидим. Одно развлечение – пострелять. – Рядом подтверждающе захмыкали. – Вот и играем в пиратов, пока Шейн не ругается.

Я оценивающе прошелся взглядом по его усикам, бороде и патлам, пока еще не прикрытым красным платком.

– Насекомые всякие не заводятся?

– Не, здесь просто мыться каждый день надо.

Этот момент оказался идеальным, чтобы перейти к более насущным вопросам:

– А те, другие вредители? Часто требуют пострелять?

Пока Женя собирался с мыслями, ответил хмурый жилистый мужик из десантной группы его катера, сегодня поленившийся подбрить голову, в результате чего лезущий волос обрисовал контур лысины.

– Первое время нечасто. Когда радиолокатор нам впервые корабль дал? Через месячишко, наверное?

За спиной кто-то хрипнул:

– Тридцать шестые сутки с заезда, я по календарю специально считал.

– Вот да, где-то так. Тогда и постреляли.

– По целям имеют в виду, – проснулся весельчак Женя. – Так стреляем примерно трижды в неделю. Ну а ты с месяц каждый день будешь палить, пока тебя в строй будут вводить.

– Вы к тому времени разве не сменитесь?

– Смотря кто, – раздраженно махнул рукой пузатый, усаженный мужик в тельняшке с измазанными вьёвшимся маслом мозолистыми руками. – Мы думали на три месяца заезжаем, сейчас всё переиграли. Кадровики сменную команду укомплектовать не смогли. Приехала замена – поехал отдыхать. Не приехала – жди, зарабатывай деньги.

Разговор свернул не туда, требовалось вернуться к пострелять.

– А мне Мезенцев говорил, что с ног сбиваетесь, пираты едва не табунами ходят...

Лысый пожал плечами.

– Последний месяц так и есть. Твои крестники на неделе уже третьи.

Следующий вопрос вырвался совершенно бессознательно:

– И как?

Вокруг засмеялись. Ответил блестящий по-детски очаровательной улыбкой Женя:

– А никак. Всегда одинаково. В море КПВТ, РПГ-7 и РШГ-1 решают все проблемы за нас.

– Это на суше побегать приходится, – ответил не поддерживавший всеобщее веселье хрипатый парень лет тридцати, тот самый, что считал дни от даты заезда до первого боевого столкновения.

– И часто до берега добираются?

– Пару раз было. Припотели, пока с всеми разобрались.

– Да, – включился рыжеватый мужчина с хорошей выправкой и короткими аккуратными «офицерскими» усами. Явный офицер-отставник. – Второй раз базу пришлось поднимать, чтобы никто не ушел.

– Жестко тут у вас, я как смотрю.

Отставник безразлично шевельнул ладонью:

– Не переживай о них. Шубин тебе все покажет, расскажет и пояснит...

Егор Иванович Шубин принял меня в своем кабинете – отдельном шестиметровом блок-контейнере с кондиционером, стульями у стен, Т-образным столом под красное дерево, кожаным креслом и выгородкой комнаты отдыха. На столе стоял компьютерный монитор, на противоположной ему стене входной выгородки крепилась панель огромного телевизора на жидких кристаллах. Все выглядело симпатично и функционально.

Украшали кабинет только «Веселый Роджер» в углу и картина в лакированной деревянной раме в цвет стола над креслом хозяина. На картине был изображен известный человек, уже двадцать лет бережно ведущий Россию сквозь волны внешней и внутренней политики, угрожающий посетителю пальцем и грозной надписью: «Я знаю, что вы не работаете!»

Шубин определённо хорошо выспался, привел себя в порядок, помылся, побрился, поппикался приятным парфюмом, вздрючил на разводе неудачников и чувствовал себя прекрасно.

– Присаживайся поудобнее, разговор будет долгий. – Перед мной швырнули прозрачную папочку с документами. – Твой новый контракт, изучишь и подпишешь после нашего разговора.

Я, только что усевшись, безразлично шевельнул плечами и немного изменил позу. Для меня мелочь, а командиру приятно.

– Сначала спрошу, что ты сам думаешь о той сволочи со свинорезами, что на вас напала. Говори, что думаешь, самому будет проще. Фантастичности предположений прошу не стесняться.

Я пожал плечами. Вариант прикинуться ветошью еще ночью был вытащен, осмотрен с разных сторон и утоплен в нужнике. Данная беседа была хорошим шансом показать свою перспективность. Слишком глупым в таких делах, в которые я влез, себя показывать ни в коем случае нельзя, непропорционально растет шанс вытащить счастливый билет одноразового инструмента. А цену человеческой жизни на этом острове я уже узнал.

– Вся одежда, амуниция и кошельки сшиты вручную. Включая шёлк. Кольчуга практически идеальная исторически, в этом я разбираюсь, есть следы латок...

– В кольчугах разбираешься? Ты и историческая реконструкция?! Или, боженька прости, ролевик?!

Скотина Шубин улыбался так, будто у соседа по лестничной клетке, прожившего рядом лет этак примерно двадцать, прилюдно свалились джинсы, обнаружив под собой не семейники в горошек, а красные кружевные трусики, которыми не то, что машину вымыть, лоб вытереть невозможно.

– Скорее, даже в доспехах и холодняке. – Я равнодушно

пожал плечами. — Да, вот именно что для реконов калымил, так что пришлось изучать тему. Она и сама по себе очень интересная, так и увлёкся. Не буду врать, что с первого взгляда скажу страну и период производства оружия или доспехов, но в теме буду получше многих.

— Отлично! — Шубин непритворно обрадовался. — А по оружию что скажешь?

— У рядовой скотинки типичные средневековые пехотные быдломечи. Привязку к типу не назову. Сталь соответствует. Пластины на бригантине гораздо лучше, «бастард» мажорика тем более. У него хорошая сталь даже по нашим меркам.

— «Бастард», это ты про меч?

— Да, лёгкий кавалерийский меч с полутора- или двуручной рукоятью. Клинок от одноручного лонгсворда, рукоять от большого седельного двуручника. — Я уловил непонимание и уточнил: — Седельного в смысле, им в конном строю не рубились. У седла возили.

Заинтересовавшийся Шубин чуть наклонился вперед:

— Так рыцарь — это же конник, они пехоту за людей не считали...

— Пехоту они за людей не считали, потому что она против них до баталий с пиками и алебардами мало что могла. Вот только задачи пехоты от этого на войне никуда не денутся. Реальный рыцарь был универсал, ему было плевать в конном или пешем строю сражаться. Хотя на битюге, конечно, выгоднее. Вот для пешего боя и изобрели большие седельные

мечи.

– Интересно... – Шубин хмыкнул. – Ещё что скажешь?

– По остальному колюще-режущему картина такая, чем выше положение, тем лучше вооружение. Больше тут сказать нечего.

Я сделал паузу, Шубин терпеливо ждал.

– Лук боевой. Натяжение килограммов сорок. Конструкция, но тут я не силен, похожа на турецкую. Если предположить изготовление по средневековой технологии, у знающих людей будет стоять как сбитый боинг. Все стрелы боевые, луку соответствуют. Наконечники двух типов, лезвийные ромбовидные и бронебойные четырехгранники. Все кованы вручную и навощены для повышения бронепробиваемости. Последнее настоящая круть, не так много народа про это знает. Про копье, щиты и монеты много не скажу, все тоже выглядит аутентично средневековую или раннему Новому Времени.

Егор Иванович чуть искривил губы в намеке на улыбку и всем своим видом продолжал намекать – говори дальше.

– Из неспровоцированного нападения и мною сказанного делаю вывод – это не розыгрыш и не сумасшедшие реконструкторы. Настоящие представители средневековой цивилизации. Из прошлого они или там параллельного измерения – вам виднее, гадать не собираюсь. Сами скажете. Но в нашей истории белых пиратов с условно европейским типом вооружения, активно действовавших в тропических и суб-

тропических зонах, я не знаю. Кроме этого, наш остров вообще никак не привязывается географически.

Шубин кивнул и поощрительно улыбнулся:

– И как быстро догадался?

Я пожал плечами:

– Да практически сразу. Осмотр трофеев только последние штрихи выдал, чтобы все непонятки в систему увязались.

– Оценка отлично, все правильно соображаешь. Теперь сиди и слушай, рассказывать буду я.

Меня смили оценивающим взглядом. Я опять пожал плечами, сел немного удобнее и обратил всё внимание на собеседника. Тот несколько деланно, на мой взгляд, задумался, собираясь с мыслями.

– Сказки страшные любишь? Кино смотришь? Фантастику, фильмы ужасов?

Я пожал плечами и слепил недоуменную мину на лице. Собственно вполне искреннюю, если чего я и не понимал, так это того, причем тут сказки.

– То, что я тебе расскажу, если в нашей системе долго крутиться, не особый секрет. Московские придурки, конечно, хотели его запретить к распространению, но мы тут, а они там. И для того чтобы ваш брат постоянно не косячил из-за ограничения доступа, необходимый минимум информации мне сейчас приходится даже не доводить, а вбивать.

Меня смили взглядом, оценивая, как я воспринял ин-

формацию о командирском информационном героизме. Я сделал вид, что готов даже не просто заглянуть ему в рот, но рассмотреть гланды во всех подробностях. Было очень сомнительным, что ему спустили бы с рук самостоятельное рассекречивание серьезной информации, а вот попытки далекого клерка затопить свое тупое рыло в определенную Шубину вышестоящим руководством компетенцию выглядели вполне реально. Манагера послали, командир, не опасаясь завратся, производит впечатление на неофитов. Все довольны.

– Начну издалека. Во времена тогда ещё существующего Советского Союза жили-были два приятеля. Учились в серьезном вузе, полном перспектив. Один после выпуска ушел в кооперативы, а вот другого, к его радости, захомутали в «почтовый ящик»⁷. – Понимаешь, о чем я?

Я кивнул. Шубин продолжил:

– Отдел «ящика», в который он попал, занимался проблемами телепортации или что-то типа того. Жизнь у каждого, конечно, была своя, но общения они не прекращали. Один нашел себя в бизнесе, второй крутился в науке, и обоих все в общем устраивало. Благо даже в девяностые тема считалась достаточно перспективной для сохранения финансирования. Однако позже всё почему-то изменилось, несмотря на получение уже некоторых практических результатов. Сам учёный ныне считает, что руководство не более чем проиг-

⁷ Выражение советского периода, означающее засекреченное предприятие.

рало в аппаратных интригах.

Меня смерили внимательным взглядом, оценивая реакцию. Так как реакцией был непритворный интерес, Шубин утвердительно кивнул и продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.